

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ

ТОРГОВЕЦ ЭПОХАМИ

КНИГА ВТОРАЯ
СПАСЕНИЕ ИЗ АДА

ЭКСМО

Магия – наше будущее

Юрий Иванович

Спасение из ада

«ЭКСМО»

2010

Иванович Ю.

Спасение из ада / Ю. Иванович — «Эксмо», 2010 — (Магия – наше будущее)

ISBN 978-5-699-41304-1

Дмитрий Светозаров, русский бизнесмен и путешественник по параллельным мирам, уходит от преследования мафиозных структур и телепортируется в королевство Ягонов. Вместе с ним в незнакомый мир попадает группа спецназовцев, его вчерашних противников и нынешних помощников и друзей. В королевстве царит полный хаос и беспредел, жрецы-экстрасенсы владеют душами и телами подданных и подавляют любые попытки свободомыслия. Дмитрий и пятерка его друзей, видя творящееся вокруг беззаконие, не могут оставаться в стороне и вступают в схватку со злом.

ISBN 978-5-699-41304-1

© Иванович Ю., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	41
Глава 6	44
Глава 7	58
Глава 8	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Юрий Иванович Спасение из ада

© Иванович Ю., 2010

* * *

Пролог

Группа из пяти человек маленькими шажками приблизилась к предполагаемой ловушке. Двое из них с помощью биноклей рассматривали заиндеветую от мороза траву с расстояния всего в десяток метров, а трое начали интенсивное обсуждение. Впрочем, первые слова относились к категории ругательств:

– А... и... тудить!.. Как меня уже достали эти хитрожопые неандертальцы!

Мужчина с замашками командира зло сплюнул в сторону. Правда, перед этим внимательно оценил место попадания, а указательный палец так и оставил на спусковом крючке хищно замершего автомата.

– Не только тебя одного, – ответила ему черноглазая женщина с почти сросшимися на переносице бровями. – Только вот давно уже пора признать, что они далеко не дикари. Сам ведь говоришь, что хитрые.

– Ага! Еще и наглые, безрассудные, тупые фанатики! Всех пострелять надо, всех! Я бы на месте этого... – Ни имени он не назвал, ни другого определения, только со злостью еще раз сплюнул: – Тьфу, чтоб его!.. Сразу бы ядерную бомбу кинул.

– Ничего, – отозвался другой мужчина, говоривший по-русски с явным акцентом. – Как бы там ни было, мы еще живы и почти приблизились к нашей цели.

– Вот именно, что почти! – брызгал от недовольства слюной старший в группе. – Холодрыга с ума сводит. А от голода у меня уже кишки свело, скоро вас по очереди жрать начну.

Не прекращая внимательно рассматривать окружающие с двух сторон тропу крутые склоны, черноглазая красотка фыркнула:

– Смотри, Васек, не подавись только. Если сам раньше на корм не пойдешь...

– Меня есть нельзя, – строго возразил ее собеседник.

– Это почему? – Говорящий с акцентом воин не отрывал взгляда от того, что находилось за спиной у остальных членов группы. Там виднелся густой лес, покрытый инеем, а в нем прятались несколько волков, которые вот уже два дня шли по следам людей. – Ты вроде как толще всех.

– Эх, Курт, какие вы, немцы, все-таки тупые. Широкую кость принимаешь за сало. И потом, я вам все-таки командир, можно сказать, отец родной. Без меня вы сразу пропадете. Ну и напоследок. Я вон сколько мухоморов съел, отравитесь.

– Мухоморов? – смешно передразнил немец. – Ты ведь утверждал, что жуешь сыроежки!

– Врал. Хотел вызвать у вас зависть и мобилизовать для лучшего наблюдения за почвой. Вон как вокруг нас ловушки мелькают, – Василий тоже не отводил напряженного взгляда от крутых склонов. – Дана, может, все-таки постараемся пройти поверху?

– Сам ведь понимаешь: и силы потеряем, и часа полтора времени, – отозвалась черноглазая. И обратилась к наблюдателям с биноклями: – Сильва, Петруха! Вы спите или уже заledenели? – Выждав паузу, добавила: – Если заledenели, то мы вас на мясо пустим.

Василий хохотнул:

– Вот это верно! У Сильвы такой окорочок аппетитный!.. – Но тут же благоразумно замолк, потому как названная им женщина опустила бинокль и с надменным видом обернулась к старшему группы. Причем прекрасно зная, что не сама надменность или ярость пугает ее врагов и смущает боевых товарищей. Все лицо у Сильвы было обезображено бугорками и рытвинами, словно после оспы, и несколькими еще больше уродующими шрамами. Сама она от этого нисколько не комплексовала, зато использовала свою внешность в любом случае, порой и без повода.

– Васька, ты на мой окорок не заглядывайся, а то я и живьем загрызть могу. Даже жарить не придется твою кость широкую. Сырым упадешь в желудок за милую душу...

– Ну вот, лишний раз убеждаюсь в своей правоте: нет хищника страшнее в мироздании, чем женщина с гранатой на задании. По сравнению с тобой эти местные неандертальцы добрыми детками кажутся. Рассмотрела что-то?

Женщина протерла глаза и опять приставила к ним бинокль. И перешла к комментариям:

– Ночью бы мы здесь не прошли, очень тонко все подготовили. Заметила сразу три спусковые системы, может быть и четвертая... Но так и не поняла, что именно и откуда на нас должно покатиться. Растяжки проложены вон к тем странно изогнутым осинам на склоне справа, рассмотреть лучше не могу, но, скорее всего, это они должны разогнуться и свалить на нас то ли камнепад, то ли еще какую напасть.

– М-да, – взгустнул Василий. – Неужели придется обходить? Чего молчишь, Петруха?

Самый молодой парень в группе, двадцати четырех лет от роду, довольно фыркнул:

– Семафор нашел! Спуск стоит чуть выше по тропе и контактирует вон с той сосной на самой верхушке склона слева. Если бечева ослабнет, то там упадет вон та боковая одинокая ветка. Такой сигнал будет виден за десяток километров.

– «Заякорить» на другом месте сможешь? С учетом, что не знаем о сути самой ловушки.

– Запросто! Пусть только Сильва мне под ноги смотрит да наводку на те три «спуска» даст. А вы от греха подальше к лесу вернитесь. Двигаю?

– Давай! – благословил старший группы. – Сильва, присмотри.

Трое стали оттягиваться назад, не снижая бдительности наблюдения за окрестностями, тогда как парень по только ему и Сильве понятной траектории проскочил метров на двадцать по тропе вперед, перерезал тоненькую, почти невидимую бечевку и, не снижая натяжения, чуть сдвинул конец по левому склону. Там уложил бечевку в промоину и намотал на вбитый между камнями колышек. Сигнальная ветка на верхушке сосны при этом даже не шелохнулась. Петр уже вернулся почти на свое прежнее место, когда Сильва подняла общую тревогу:

– Сверху кто-то спускается! Не скрывается. Да и вообще прет, как кабан. Мы отходим! Прикройте!

Но только они с парнем бросились бежать вниз по тропе, как выше установленной ловушки из-за поворота появилась огромная туша местного хозяина. И совсем не кабана, а хищника во много раз опаснее. Почти черный медведище наверняка уже издали почувствовал запах человека, поэтому спешил к добыче, ничего не разбирая и не рассматривая на своем пути. Заметив поспешно удирающую пару людей, он только взревел от азарта и ускорил движение. Видно, тоже давненько мечтал подкрепиться свежатиной.

Василий вздохнул, поднимая автомат и лоя на мушку приближающегося хищника. Стрелять не хотелось, слишком уж далеко разнесется звук выстрела, но делать было нечего. Не бегать же по лесу от оголодавшего медведя. Разве что ловушка зверя остановит.

Остановила. Даже больше чем остановила. Оказывается, осины где-то там чуть выше по склону сдернули своими стволами огромное бревно с торчащими на метр сучьями. Эдакий таран, оцетинившийся оглоблями. Оставалось только поражаться мастерству тех, кто строил западню: бревно взлетело со склона, по инерции устремилось вниз, затем из-за натяжек изменило направление полета и шумящим смерчем пронеслось над тропой. Создалось впечатление, что полет бревна сотни раз отрепетировали и подогнали его отростки с точностью до пяти сантиметров. Именно столько оставалось свободного пространства до земли и до склонов. Проходи вверх отряд хоть из двадцати человек, всех бы размазало, поломало, разорвало и покалечило.

А так досталось лишь одному медведю. Удар комлем сзади получился такой силы, что местный хозяин охотничьих угодий взлетел в воздух и, пролетев по нисходящей дуге метров тридцать, грохнулся бездыханной тушей чуть ли не на головы убегающей парочки воинов. Само бревно в возвратном движении зарылось в правый склон остатками веток да так сразу и замерло.

Когда Курт, Василий и Дана, внимательно осматриваясь по сторонам, вернулись к началу тропы, там уже всюду царил хищный пиршество. Словно заправский мясник, Сильва разрезала брюшину изломанного медведя в нужном месте, Петр растянул шкуру в стороны, и на свет появилась огромная, жутко окровавленная печень. Разделенная ножом примерно на пять равных частей, она тут же пошла в пищу. Первая часть досталась главному мяснику. Понаблюдав за коллегой короткое время, в свой кусок печени впился зубами и самый молодой в группе. Остальные продолжили прикрывать обедающих товарищей, сглатывая слюнки и давясь от омерзения. Разве что Дана выдала короткое мечтательное восклицание:

– Прожарить бы!

– Щас! – осадила ее подруга, с еще более страшным от капель крови лицом. – Тогда уж точно эти местные уроды на дымок подтянутся.

Содрогнувшись от ее вида, Курт отвел взгляд в сторону и промямлил:

– «Язык» говорил, что чуть выше полно пещер. Да и про каких-то отшельников вокруг тракта твердил. Может, хоть там костерок организуем да пожарим? А то что-то наш хозяин давненько не появляется...

Кажется, упоминание об отсутствующем «хозяине» не на шутку обозлило его товарищей по группе.

– Чтоб он сам такую сырую мерзость до конца жизни своей жрал! – прорычал Петр.

Тогда как Сильва высказалась с еще большей ненавистью:

– Лучше бы я сейчас его печень сожрала! – и с остервенением продолжила терзать зубами свою порцию. – Ух!..

– А ведь обещал, дятел, нам хлеба свежего подбросить, – напомнил Курт.

– Если он в ближайшие сутки не появится, я за себя не ручаюсь, – нахмурился Василий. – Издохну, но его голыми руками задушу. Сколько он еще над нами издеваться будет?

Черноглазая Дана тоже высказалась о наблевшем:

– Теперь я прекрасно понимаю некоторых распутниц, которые перед смертью старались заразить СПИДом всех своих врагов и обидчиков.

– А у тебя что?.. – не смог сдержать страх Петруха. – И в самом деле?..

Он даже жевать перестал, и причина подобного испуга для остальных товарищей по группе была понятна: парень порой бывал с красавицей в близких отношениях. «Для рядки...» – как они оба говаривали.

– Да пошел ты! – вызверилась на него красотка. – Это я так образно говорю.

Петр облегченно вздохнул и снова впился зубами в окровавленный кусок печени. Вместо него заговорил немец.

– А-а-а... ну тогда да, такую проститутку под него подложить и я был бы не против, – закивал он головой. – Только вот мне сдается, наш хозяин – человек слишком уж правильный и обязательный. Раз он ни вчера, ни сегодня не появился, значит, обстоятельства не позволили. И нам больше ничего не остается делать, как смиренно ждать его появления.

– Да? – Василий поддел на нож кусочек печени, рассматривая его с большим сомнением и неохотой. – Так нам что теперь, все равно рваться к цели и выполнять поставленное задание?

– Только так! Да ты и сам знаешь, что другого выхода у нас нет.

– Выход есть всегда, – возразил старший группы. – Знать бы только, как он выглядит...

Затем еще раз вздохнул и отправил в рот первый кусочек парящего на морозе «деликатеса».

Глава 1

На грани смерти

Королевство Ягонов напряглось от сумрачного тягостного ожидания. Весть о тяжелейшем состоянии шафика разлетелась по всему королевству со скоростью пронзающих пространство радиоволн, благо связь уже прочно вошла в жизнь уникального государства. Так что здоровьем и самочувствием Дина интересовались не только столичная знать, придворный люд или самые приближенные к Бонзаю Пятому люди, его судьбой обеспокоились и замерли в горестном ожидании практически все подданные королевства. Простой люд прекрасно понимал, кому он в первую очередь обязан своей свободой, безбедной жизнью и стремительным процветанием. Страшное ранение легендарного шафика взволновало всех без исключения.

Поэтому вполне естественно, что после короткой паузы от полученного информационного шока к королевскому дворцу понеслась обратная волна вопросов, сопереживания, соболезнования и, конечно же, возмущения. Как же так, мол, почему не усмотрели? Как допустили? Где остальные шафики находились?

Пришлось молодому самодержцу по этому поводу даже выступить перед собравшейся на площади толпой, выкрикивая со своего балкона, что главная опасность миновала и врачи всеми силами стараются привести пострадавшего Дина в сознание. Как только появятся новые сведения, они будут преданы огласке. Потом сурово наказал народу не беспокоиться, не создавать смуты и разойтись по своим рабочим местам.

Сам же он попытался провести хоть какое-то начальное расследование случившегося. Для этого прихватил обоих придворных шафиков, спустился с ними в подвал Башни, и, под смешок зеленого дыма, несущегося из четырех проходов, они вместе обследовали каждый квадратный сантиметр пола. Первым, что они нашли, оказался мобильный телефон, отлетевший при падении к самой стене. Что это за прибор и как он действует, король знал отлично, тогда как два остальных обитателя мира с мнимым Средневековьем знали лишь в общих чертах. Потому как сами пользовались несколько иной связью: радиотелефонами.

Ориентируясь по пятнам крови на камнях, Флавия Несравненная начала рассуждать:

– Дин выпал именно вот так и держал свое устройство в левой руке. Поэтому оно и отлетело так далеко в сторону. Но раз оно выключено, то, скорее всего, он только собирался с кем-то поговорить.

– Не обязательно, – возразил король, тысячи раз наблюдавший в иных мирах, как Дмитрий Светозаров разговаривает по телефону. – Как только заканчивается разговор, мой друг сразу непроизвольно нажимал вот эту кнопку отбоя. Как он говорил, чтобы его случайно потом не подслушали.

Аристарх Великий, другой придворный шафик, осторожно принял аппарат из рук своей коллеги с вопросом:

– То есть подслушать его не могут, а вот найти по выключенному телефону могут?

– Не знаю. А к чему это ты?

– Ну, вдруг по следам нашего Дина уже спешат преследователи из его мира? Мы ведь ничего не знаем, как там у них и кто они. Пусть он всегда и везде чувствовал себя в безопасности, утверждал, что только он может путешествовать между мирами, но ведь его достали! Да еще при этом чуть не убили. Значит, что-то сильно поменялось... А может, и еще такой же Торговец появился.

– Если бы знать, где он был точно! – высказалась Флавия.

– В своем он мире был. – Теперь уже телефон переключал в руку Бонзая. И он говорил с полной уверенностью: – Там как раз такие вот используют, да и мне он говорил о завершении

дел на Земле и о скором визите сюда с огромным сюрпризом. Так что сюрприз и в самом деле получился...

– Ваше величество, а вы знаете, как им пользоваться? – Аристарх прижимался к королю вплотную, пытаясь разглядеть надписи и символы на экране. – Или эта штука в нашем мире не действует?

– Ну, светиться будет, не без того... – Король потыкал кнопки, высвечивая разноцветный экран полностью. – Вот, видишь? Только связи между мирами не бывает. Вроде... Дин говорил, что попытается наладить, но раньше точно не было.

– А попробовать можете? – не унимался придворный шафик. – В том смысле, чтобы узнать, зачем он телефон в руке держал? Ему звонили или он звонил?

– Чего тут пробовать! Тут все и так видно. Гляди – это меню. Смотрим звонки. Кому звонил он. Время последнего. Теперь – кто звонил ему. О! Самое позднее время. Так, кто такая Шура?

– Это вам лучше знать, – с некоторой ехидцей и ревностью съязвила Флавия. – Это ведь вы с другом по другим мирам на мальчишники рветесь.

– Когда это было! – строго прикрикнул на нее молодой король. – И не вздумай о таких вещах в присутствии ее величества ляпнуть! – Потом опять уставился на экран: – Батарей почти полная, а вот здесь должна быть лесенка кобертуры...

– Что это такое?

– Это? – Бонзай наморщил лоб, припоминая. – Ну, это уровень приема. Или, иначе говоря, наличие вокруг радиоволн, которые несутся с больших башен или спутников. Наши радиотелефоны только на прямой линии действуют, а этот – только вокруг тех башен. Вот тут и показано, в какой степени можно связаться с другими... как их... А, абонентами!

Так и не глядя на гордого своей памятью самодержца, придворный шафик продолжал выпытывать:

– Но что значит одна черточка на этой самой лесенке кобертуры?

– Хм? Что нет связи... Ну, или она на самом минимуме.

– Так попробуйте позвонить. А вдруг?..

– И что это нам даст?

– Может, он как раз с кем-то общался, когда его атаковали, и этот кто-то в курсе, что там да как.

– Только этого не хватало! – возмутилась Флавия Несравненная. – Враги наверняка думают, что убили Дина, а мы тут по собственной глупости сигнал какой-то подадим. Вот тогда уж точно убийцы постараются к нам вломиться. Это раз! А во-вторых, мне кажется, наш коллега и сам захочет после выздоровления неожиданно нагрянуть на ту Землю с определенными планами. И лучше, если там его не будет ждать засада.

– Логично, – согласился Бонзай. – Тем более что и так связаться не получится. Хотя... – Он вначале поднял руку с телефоном вверх, потом присел: – О! Вторая черточка появилась! – Потом еще покружил по всему залу, и в самом центре, прямо на камнях пола, на экране появилась и третья черточка. – Однако! Если эта штуковина при ударе не повредилась, то получается, с этого места можно связаться с Землей. Ну, или где там наш главный шафик пострадал. Но в этом деле он сам пусть и разбирается, когда на ноги встанет. Что? И еще есть?

Еще во время манипуляций с телефоном шафики отыскивали два странных зуба. Даже не зуба, а, скорее всего, клыка какого-то среднего хищника. А теперь вот Флавия протягивала королю еще один. После более тщательного осмотра каменных плит пола отыскивали еще два. Один из них был сильно попорчен сапогами топтавшихся здесь гвардейцев, а вот четыре находились в идеальном состоянии. Если, конечно, можно так сказать о зубах, которые только совсем недавно кто-то грубо вырвал с корнем. Отчетливо виднелась засохшая сукровица на шейках оснований.

– Похожи на собачьи, – высказался самый опытный по годам Аристарх. – Особенно если сложить их вот так, рядом.

– Нисколько, – возразила Флавия, лучше всех разбиравшаяся в строении животных здешнего мира. – Скорее это клыки шакала, хоть и крупного. Вон как изогнуты.

– Намекаешь, что Дина там шакалами травили?

На вопрос Бонзая женщина лишь пожала плечами, и он попытался ответить на него сам:

– Кое-что не сходится... В момент прохода через стык тело Торговца тянет за собой все, что на нем закреплено и движется одновременно. Уж я-то посмотрелся, можете мне верить. Хотя не совсем понял про какие-то там совмещающиеся поля. Но один раз произошел очень интересный случай.

Нам пришлось спешно уходить с одного места, а край моего сюртука оказался зажат дверью. И самое странное, что при рывке оторвался не подол или кусок ткани, а именно два куса древесины из полотна двери и рамы. И когда мы добрались на место, эти оба куса уже порядочно обгорели, словно обуглились от большого жара. Пришлось их спешно стряхивать с ткани сюртука. Так вот, Дин объяснял, что в межмировом пространстве в подобном случае обгорит, а то и истлеет любая случайная деталь или предмет, который мы при переходе захватим с собой.

– Довольно расплывчатое объяснение, – признался Аристарх. – Трудно уловить самое главное.

– Я сам сомневаюсь в своих рассуждениях. Но если бы моего друга покусали шакалы в мире Земли, то кровь на клыках спеклась бы до черноты, да и сами бы они пожелтели. А тут смотрите, свежие.

– Мало ли как они могли в одежде застрять, – не соглашался шафик. – Да хоть он сам их во второй руке держал. Ведь укусов на теле не обнаружили. Правда, одежду не так тщательно осматривали, но прокушенной ткани тоже не заметили. Так что пока раненый не придет в сознание, мы все равно ничего не поймем и ничего толкового не предпримем.

– Да, похоже... – Король окинул последним взглядом все четыре створа тоннелей, уводящих в хохочущий дым, и выдохнул: – Ладно, поспешим во дворец.

Уже поднимаясь по лестнице, Флавия невинным тоном поинтересовалась:

– А с какой стати парочка таких отважных воинов сбегала с такой скоростью, что утянула за собой отгрызок двери? Или это была дверца платяного шкафа?

Монарх Ягонов с присущим ему величием проигнорировал вопрос, тогда как Аристарх Великий шикнул на свою коллегу:

– Не приставай к его величеству!

– Увы! Его величество теперь примерный семьянин, – томно вздохнула женщина. – А вот Дмитрий все-таки холостяк, и я, его старая верная почитательница, имею право о нем беспокоиться. Может, его и сейчас какой-нибудь ревнивый муж застал в будуаре собственной супруги? Вот взбешенный ревнивец и начал стрелять, бросать ножи и травить шакалами.

Все прекрасно знали, что Торговец и Флавия Несравненная были в интимной близости еще в империи Юга, на каторге слантерса. Умеющая колдовством прихорашивать свое тело женщина выглядела в последнее время максимум на двадцать пять; понятно, что главный шафик мог и забыть о ее сорокадевятилетнем возрасте. Поэтому за последние два года парочка не раз была замечена как в Башне, так и в подаренном Флавии поместье. Так что некоторая ревность, проскакивающая в словах красавицы, всеми воспринималась с пониманием. Хоть коллеги скорее дружили, чем были любовниками, однако интимную связь между ними тоже следовало учитывать.

Поэтому король ответил лишь тогда, когда они уже проходили по подземному тоннелю, связывающему Башню Шафика с дворцом монарха Ягонов:

– Да нет, в рискованные места ни он, ни я никогда не забирались. Зачем? Если вполне хватает прекрасных женщин, полностью свободных от супружеских уз?

– Ну, как говорится, запретный плод сладок вдвойне, – настаивала придворная шафик. – Да еще под воздействием дальийского вина...

– Еще раз нет! Тем более, что совсем недавно Дин мне ясно заявил: все, мол, отгулял живчик. Пора и семью заводить. Я как раз и думал, что сюрпризом станет какая-то симпатяшка, а оно вон как получается...

Все трое надолго замолкли, каждый по-своему переваривая мысль про возможные кровавые разборки на почве ревности. Пусть даже женщина и незамужняя, а вдруг у нее такой ухажер нервный – любого конкурента голыми руками готов порвать на кусочки. И рвут ведь, режут, душат, причем не только особи мужского рода. И женщины не отстают в творимых крайностях. Тем более что буйная фантазия у прекрасной половины человечества порой переходит все разумные пределы.

Уже на входе в дворцовый госпиталь Флавия и припомнила один такой случай, произошедший полгода назад в одном из дальних пригородов Вельги. Тогда там со всем помещением сгорел женатый знатный дворянин со своей матерью и находившейся с кратким визитом гостей. Поговаривали, что гостя в интимных отношениях с хозяином. Молодую вдову погибшего вначале никто и не заподозрил в причастности к пожару. Потому что она в то время вроде была в столице, в городском доме. Хотя умышленный поджог признали сразу. И лишь благодаря случайному свидетелю, который на объездной дороге опознал в бешено скачущей всаднице истинную поджигательницу, дознавателям удалось раскрыть преступление. Нравы в королевстве царили, в общем-то, фривольные, и наличие любовницы, тем более у очень знатного и богатого дворянина, считалось вполне обычным явлением. Даже со стороны жен считалось плохим тоном об этом судачить. А тут вот такой скандал. Теперь молодая вдова сидела в мрачной темнице и с завидной настойчивостью пыталась покончить жизнь самоубийством.

Когда Флавия все это припомнила, то не сдержала соболезняющего вздоха:

– Хорошо хоть нашего Дина сжечь не пытались.

– Нет, огонь ему не страшен. – Король первым приблизился к кровати больного: – Как он? Дежурный врач, сидящий у изголовья раненого, поспешно вскочил на ноги:

– Без изменений, ваше величество. В сознание не приходил, не шевелился, температура повышенная, но не критическая. Пульс слабый. Дышит медленно, но зато равномерно. Нагноения ран не наблюдается.

Бонзай с надеждой обратился к придворным шафикам:

– Может, еще раз попробуете?

– Конечно.

Аристарх отработанным движением уселся рядом с кроватью и протянул ладони над грудью Дина. Тогда как Флавия встала за спиной своего коллеги, стараясь тоже добавить частицу своей магической силы. Некоторое время пальцы колдующего подрагивали над мерно вздымающимися при дыхании бинтами, но потом шафик убрал руки и мотнул головой:

– Увы! Ничего больше влить не можем. Его организм переполнен собственной силой, будем надеяться на неосознанное излечение.

Еще в самые первые часы после операции Аристарх Великий и Флавия Несравненная смогли слегка зарядить собственной энергией тело раненого, что в обычном случае весьма сказывалось на сроках выздоровления. Но потом, дойдя до какого-то предела, внутренняя сущность Дмитрия Светозарова перестала воспринимать помощь извне, отталкивая ее от себя, как отталкивает воду насыщенная влагой губка. На общем консилиуме пришли к выводу, что теперь вся надежда лишь на внутренние резервы израненного организма. Или вдруг случится еще одно чудо: раненый придет в сознание. Тогда, с имеющимися у него магическими умениями, Дмитрий вполне целенаправленно распределит спасительную энергию по надлежащим органам и частям тела.

В тот момент добавить ему силенок со стороны будет и проще, и эффективнее. А за последние сутки помощь не могла преодолеть странный, можно сказать, парадоксальный барьер. Получившие за многие годы богатейшую врачебную практику на страшной каторге со слантерсом шафики с таким случаем столкнулись впервые. И хоть продолжали делать попытки, но теперь на свои личные силы не рассчитывали.

С некоторой грустью все находящиеся в палате обсуждали новые варианты лечения, когда явился один из личных секретарей Бонзая Пятого:

– Ваше величество, постройка Дитогла завершена. Только что молодые шафики провели первые испытания. Приглашают и вас пройти под аркой и сделать итоговый осмотр.

– Ах да, совсем забыли! – Король голосом, полным оптимизма, обратился к другу, лежащему без сознания: – Ты тут долго не залеживайся, выздоравливай поскорей! А мы пока идем принимать твое детище.

Действительно, новое строение конструировалось, возводилось и усовершенствовалось по ходу создания под личным руководством и опекой Дмитрия Светозарова.

Началось все с того, что ему смертельно надоело каждый раз мотаться с очередным кандидатом в шафики на далекий Южный континент. Потому что природные данные большинства будущих магов приходилось проверять под знаменитой на весь мир аркой курантов, расположенных на входе в столицу империи. Тех самых курантов, которые звуком по накопальне определяли прохождение под ними людей с магическим даром. То есть явных шафиков или с достойным потенциалом для развития.

Уже после пятидесятого человека Дин рассердился и возопил:

– Неужели мы у себя не можем соорудить нечто подобное?

Не так просто оказалось воплотить желаемое в жизнь. Вначале три месяца все шафики Юга искали банальную «техническую документацию». Уже и надежду потеряли и даже собрались каким-то образом разбирать существующие куранты, как надлежащая рукопись была отыскана и после долгих спекулятивных торгов передана в руки Торговца. Понятно, что больше всех торговался император Илларион Третий, который до сих пор чувствовал себя страшно обворованным после навязанных ему договоров о поставке акстрыга, уникальных наркотических и лечебных корешков, в королевство Ягонов. Двадцать пять процентов безвозмездно уходило воздушным мостом на благо развития Севера. Да еще и двадцать процентов слантерса. Вот император и старался потребовать плату за товар хотя бы частично.

И вроде как выиграл, хотя и не подозревал, что уже проиграл. Потому что Бонзай Пятый со скрипом согласился оплачивать золотом слантерс, поставленный свыше определенного тоннажа, не раскрывая тайны о строящемся на северном материке заводе по производству искусственной резины. Скоро можно будет отказаться от дорогого, все равно не удовлетворяющего резко возросшие потребности сырья, перейдя на собственное. А небольшой части уникального, непревзойденного по чистоте слантерса вполне хватит для нужд лабораторий и прочих особо тонких производств.

Вот таким образом древняя книга попала в королевство Ягонов. Сразу выяснилось и название магического строения: Дитогл. Внутренний диаметр – от пяти до двадцати пяти метров. А затем пошли основные сложности. Оказалось, что подобный магический определитель работает лишь при обильном наличии сложно собираемой из пространства магической энергии. Конкретно: сквозь внутренний створ кольца должно ежедневно проходить не менее нескольких тысяч человек. Установить его где-нибудь в подвале или закрытом помещении не удастся. Только в людном месте, как и было сделано в столице Южного континента.

К сожалению, к тому времени все самые удобные места, а именно ворота в крепостных стенах, были застроены так основательно, что установить магическое кольцо было бы слишком накладно. Вот тогда Торговец и предложил сделать Дитогл внешне чисто декоративным украшением Вельги. Убивая одним выстрелом, так сказать, сразу несколько зайцев. Максимальный

размер, максимальное удобство, максимальная зарядка от толп народа и максимальная польза, как от шикарной достопримечательности столицы. Его величество немного подумал, посоветовался с главным архитектором столицы Гаем Цыбало – и стройка началась.

Установили магическое строение на дороге, ведущей из городского общественного парка на центральную площадь перед королевским дворцом. Это был самый оживленный маршрут для гостей, туристов и местных жителей во время прогулок. А чтобы не было кривотолков, назвали сооружение «Кольцом счастья», украсили несколькими фонтанами и уникальными, завезенными из других миров цветами. Да еще и слух распустили, что кто проходит через створ, становится удачливым. Так что еще за две недели до официального открытия народ сновал в створе Дитогла непрерывным потоком. Все только и ждали снятия строительных лесов, торжественной церемонии открытия и окончательного запуска фонтанов.

С технической же стороны кольцо оборудовали кучей всевозможных устройств из иных миров. Вместо того чтобы издавать гул наковальни, они передавали в близстоящее здание все данные о любом кандидате в шафики, как и о самих шафиках, прекрасно различая их. Добавочно это здание было оснащено новейшими средствами связи, которая соединяла его напрямую со службой безопасности королевского дворца. И уже сидящие там дежурные были вправе решать любое возникающее недоразумение. А заодно и управлять установленными вокруг Дитогла и центра города техническими средствами. Многочисленные видеокамеры выделяли совершенно автоматически и вели в любой толпе любого магически одаренного человека. Слежение фиксировалось новейшими вычислительными машинами, передавалось как эстафета в ближайшие улицы и переулки, даже при быстром беге кандидата. А уж того потом встречали, где надо, нужные люди – и могли действовать по обстановке.

С раннего утра группа молодых шафиков уже провела первые испытания на себе и теперь ждала как короля, так и его придворных магов. Предстояло окончательное испытание Дитогла перед его торжественным открытием через пару дней. Скорее всего, из-за ранения Дина придется перенести давно ожидаемый праздник, который народу преподносился как некое открытие произведения искусства. Но сейчас важно было удостовериться в исправной работе магического устройства, а уж салют в его честь можно и отложить.

Но вскоре и мысли о салютах вылетели из голов спешащих к Дитоглу людей. Сегодняшний день тоже не обошелся для Ягонов без сюрпризов.

Не успел еще король со своими придворными шафиками выйти на площадь, как его догнал запыхавшийся офицер службы безопасности с удивительной новостью:

– Ваше величество! Кольцо счастья сейчас осматривают сразу семь шафиков наивысшего уровня!

– Таких, как мы?! – воскликнул в удивлении Аристарх Великий.

– Так точно, ваше магичество!

– Все семеро?! – нахмурилась Флавия.

Но Бонзай уже резко повернулся и поспешил в узел связи безопасности дворца:

– Давайте сами глянем и убедимся. Мне кажется, тут явный сбой в работе кольца. Ведь еще ничего не налажено, не притерто. Что с того, что молодые шафики на друг друга проверили?

– Но, ваше величество, – поспешил вставить семенящий чуть сзади монарха офицер, – шафики с самого утра чего только не делали в створе Дитогла. И поодиночке прохаживались, и парами, и группами, и потом расходились в разные стороны. Пытались скрыться сразу за пределами площади, бежали, петляли по переулкам... Все они четко фиксировались сразу под кольцом, а потом техника скрупулезно поддерживала слежение. Никто не смог проскользнуть незаметно или потом спрятаться.

– А эти не прячутся? – Они всей группой поспешно ввалились в комнату, где мельтешили десятки экранов. – Да и кто они такие?

– Вот сюда, ваше величество! – вскочил со своего места техник, указывая рукой на несколько экранов за своим столом. – Вот они, видите? В розовых плащах и роскошных широкополых шляпах. Так всей группой пока на площади и крутятся. Рассматривают и головами только покачивают. А в Дитогле минут пять стояли с вытаращенными глазами, особенно цветами диковинными восхищались. Чуть руками до них не дотянулись через перила, так охраннику пришлось на них прикрикнуть и напомнить о запрете касаться растений. Там особенно хорошо удалось рассмотреть их лица, я сейчас выведу запись вот на этот экран.

Техник сыпал словами и умудрялся при этом и стул его величеству подвинуть, и экраны с изображениями переключать с удивительной сноровкой.

– Плащи, как видите, того покроя и расцветки, который сейчас моден в Визенской империи, но вот что под ними, мы пока можем только догадываться, хотя ножны мечей и выпуклые наплечники брони на теле заметны сразу. По данным нашей картотеки их лица не опознаны, значит, и в самом деле можно их считать гостями столицы. Сейчас отрабатывается их отождествление по иным каналам. Хотя никакой официальной делегации подобного толка со стороны наших соседей в Вельге не ждали. Группа слежения уже выдвинулась на дальний периметр нашего кольца видеонаблюдения. Группе приданы мобильные дозоры кавалерии и гвардейских драгун. На случай попытки прорыва из города с боем предупреждены отряды боевого охранения всех ворот Малой и Большой стены. На тех экранах можно будет просмотреть передачу изображения непосредственно от тех ворот, какие будут закрыты по тревоге.

От такого наплыва информации даже Бонзай Пятый восхищенно замычал и покачал головой:

– Однако! Я вижу, у вас тут каждая мелочь продумана и предусмотрена.

– Рады стараться, ваше величество! – Лицо техника расплылось в довольной улыбке, а его ладонь постучала по небольшой книжнице, лежащей на краю стола: – Действуем строго по инструкции.

Разумеется, инструкцию составил не кто иной, как шафик Дин, которого во всем королевстве любили, уважали и обожествляли чуть ли не больше, чем самого самодержца. Так что подобные книжницы самыми лояльными подданными буквально заучивались наизусть. А уж как подданные старались и мечтали изловить шпионов или любых ненадежных в этом плане туристов – вообще отдельная песня. Благо, теперь шпионы со всего мира стекались в Вельгу потоками, рядами и колоннами. Но если раньше никто не мог проверить их магическую сущность, то с момента запуска Дитогла и вражеские шабены перестанут себя чувствовать безнаказанно.

Другой вопрос, что никто и предположить не мог, что шабены такой силы существуют на материке Севера. Ведь вымерли все давно или, поддавшись магическому зову, отправились на кораблях через океан на Юг, да так по пути и сгнули в пастях морских чудовищ.

Поэтому сразу возникал вполне резонный вопрос: а эти семеро где прятались до сих пор? Или: откуда они вообще взялись? Ну и сразу следующий: что им тут так понадобилось?

Сомнения, конечно, оставались, и придворные шафики засыпали техника и офицера безопасности дополнительными вопросами. Так, например, Флавия предположила:

– Что, если энергия Дитогла сильно истощилась при проводящихся первичных проверках? Все-таки пятьдесят наших учеников в таком интенсивном режиме «мелькания» могли исчерпать какие угодно накопления.

– Нет, ваше магичество, тут все в порядке. – Техник показал на прибор, который удивил бы и ученых из высокоразвитых миров. – Судя по этому зеленому частоту зеленых искорок, Дитогл заряжен полностью. А если мы посмотрим на те два экрана, – он указал рукой на соседний стол чуть в стороне, – то увидим, как зафиксировано совсем недавно и ведется слежение сразу за двумя вашими учениками, которых мы послали специально с повторной проверкой. Так что – никаких сомнений.

За странными гостями теперь следили во все глаза. А те вели себя вполне обычно для группы туристов издалека: блестящие, расширенные от удивления глаза, отвисающие порой челюсти, несдержанные тычки пальцами в разные стороны и некая растерянность. По первому впечатлению выходило, что ничего плохого семь сильных шафиков не замышляют, а просто прибыли полюбоваться на достопримечательности самой прославленной столицы мира.

Но насторожиться следовало обязательно. Если уже в самый первый день Дитогл выловил такую внушительную группу, не значит ли это, что в столице подобных колдунов во много раз больше? Вдруг они давно стягиваются в Вельгу и замышляют нечто очень и очень нехорошее? Оставалось лишь закрепить королевским указом тщательный надзор за иностранцами и приложить все силы для выяснения их намерений.

Бонзай еще долго обсуждал со своими придворными ша-фиками возможные варианты развития событий, но в конце концов вынужден был признать со вздохом:

– Увы, как бы мы с этими гостями не опростоволосились. Здесь только Дин смог бы все правильно рассудить, ловко подслушать и легко оградить от опасности. А он вообще пока не у дел.

– Какие могут быть дела? – удивился Аристарх. – Ему бы выжить да в сознание прийти сначала...

Словно дожидаясь этих слов, к беседующим подскочил тот самый дежурный офицер безопасности:

– Ваше величество! Срочное сообщение из госпиталя: шафик Дин очнулся...

Он сделал неожиданную паузу, словно подавился чем-то. Этим воспользовался король, вскакивая на ноги и радостно восклицая:

– Я знал, что он выкарабкается! Бегом за мной!

Но так и замер на месте после последних слов офицера:

– ...Очнулся, дернулся, дико закричал и куда-то исчез!..

– Как исчез?! – выдохнули одновременно три глотки.

– Не могу знать, ваше величество, – побледнел почему-то офицер. – Но врач говорит, что раненый исчез вместе с бинтами, матрасом и даже с кроватью...

Глава 2

В тылу врага

После солидного усиления рациона свежей медвежатиной боевая группа в течение двух больших дневных переходов вполне благополучно добралась до промежуточной цели своего рейда. Заслоны егерей, стоящие по всем границам наружных предгорий, воины прошли совершенно незаметно для противника, не создавая лишнего шума и не привлекая внимания. В разгар дня они вышли к внутреннему тракту Магириков, который вел к сердцу варварской империи ашбунов, легендарной вершине Прозрения. И теперь, замерев на склоне густо иссеченного ущельями отрога, пятеро людей внимательно изучали раскинувшуюся перед ними узкую долину.

Фактически весь тракт Магириков состоял из подобных долин, которые прямой линией перетекали друг в друга через остовы пологих перевалов. По широкой, мощенной плитами дороге в обе стороны передвигались миниатюрные фигурки паломников, которых здесь по созвучию называли магирика-ми. Примерно половина шла в одиночку, часть – группками или длинными цепочками. Около трети общего количества паломников передвигалось на высоких мулах, основательно нагруженных тюками и вязанками дров. Совсем немногие передвигались на лошадях, а виднеющиеся повозки можно было пересчитать по пальцам одной руки.

При осмотре этого высокогорного пути сразу появлялась уверенность, что подобное творение не может быть делом природы. Слишком уж прямолинейно располагались долины, слишком строго выверенной ширины и длины они были. И даже отсюда было видно, как тракт в мерцающей дымке полуденного тумана упирается километров через тридцать в невероятно массивную гору с закругленной вершиной. В окружении умопомрачительно величественных гор самая огромная из них казалась чем-то ужасным, выделяясь на общем фоне своей чернотой и размерами, с первого взгляда распознаваемая как абсолютно инородное тело на планете. Словно какой-то великан со всей силы вколотил между горных хребтов свою гигантскую пивную кружку вверх дном, а потом покрасил ее черной краской ради забавы. Именно этот грозный монолит и являлся конечной целью группы из пяти воинов.

Сейчас, когда они воочию увидели несуразный контур Прозрения, желание двигаться туда у них пропало окончательно. Не прекращая осматриваться, Сильва высказалась первой, без обиняков:

– В гробу я видала такое «прозрение»! Предлагаю пересидеть недельку в какой-нибудь пещерке под видом отшельников, поднакопить припасов, да и двигать в обратную сторону.

Во время перехода молодой Петр перемерз больше всех и сейчас постоянно сморкался в сторону, просто прикладывая палец к покрасневшему носу.

– По-любому надо денек у костра отогреться. А уж от недельки никак не откажусь.

– Больно тебя кто-то спрашивает, – хмыкнула Дана. На морозе ее черные брови странно заиндевели, превращая женщину в сказочную Снегурочку. – Мне больше эта проклятая сырая медвежатиная надоела. Готова за кружку бульона на любое смертоубийство.

– Скорее всего, так и придется поступить, – со свойственной ему педантичностью стал рассуждать Курт. – Как видишь, здесь сплошные голые скалы, а те две коряги, что мы с собой тащим уже пару часов, скорее напоминают чугунные украшения. Сведения о таинственных горячих огнях в каждой пещере отшельника – это явная выдумка. Скорей всего, бедолаги спят в обложенной соломенными матами норе. Ради дров придется тебе, очаровашка, атаковать вон тех перевозчиков на ишаках. Или соблазнять их своим иссушенным телом.

– Сам ты ишак! – огрызнулась Дана. – Они на мулах дрова везут.

– Курт прав, – отозвался после длинной паузы Василий. – Ни котла у нас нет, ни запаса дров, разве что у какого-нибудь отшельника вместе с пещерой экспроприруем. Кстати, я пока не заметил ни одного магирика, который бы свернул к пещерам. Неужели они собираются обедать прямо на дороге? Ведь холодно.

– Да-а, – мечтательно вздохнул Петр. – Летом и воевать сподручнее, не то что обедать. А если сварить...

– Все, пока про обед ни слова, – оборвал его старший группы, интенсивно растирая побледневшее от продолжительного пребывания на холоде лицо. – Дана, обойди этот выступ и рассмотри тракт в обратном направлении. Самое пристальное внимание – всадникам на лошадях. Все остальные: ищем подходящую пещеру отшельника на самом отшибе.

Черноокая красавица переместилась вправо, обходя мешающий осмотру выступ, и принялась рассматривать в бинокль первую половину пути паломников, которая в общей сложности растянулась тоже на тридцать километров. Надлежало проверить, курсируют ли по тракту группы имперских егерей, а если и курсируют, то проверяют ли бредущих магириков. По словам захваченного в предгорьях несколько дней назад языка, получалось, что никаких военных на самом тракте никогда не бывает. Потому как считается, что попасть на него могут лишь входящие через Ворота Откровения. И вот там-то любого путника проверяют до последней нитки, забирая любое оружие – вплоть до небольшого шила. Вдобавок заставляя сдать на хранение все без исключения предметы из металла. Вплоть до мелких монет.

По этой причине группа и вынуждена была обходить Ворота через горы, напичканные ловушками и егерскими засадами. А вышли они к середине тракта по причине многочисленности здесь пещер с отшельниками, в которых подавляющее большинство паломников старались переночевать в двухдневной дороге, а то и пообедать в полдень. Здесь воины из иного мира намеревались спрятать и замаскировать оружие в мешках, отдохнуть и получить более подробные сведения о самой сути паломничества. А уж потом думать, как попасть в монолит Прозрения и как его по возможности повредить. Потому что именно таким и являлось основное задание для «третьей» – одной из самых умелых и сработавшихся боевых групп с планеты Земля.

«Третья» умела все. Взрывать мосты и похищать наркобаронов; убивать министров или президентов и держать в заложниках пару сотен гражданских лиц; доставлять уникальные разведданные и сливать противнику дезинформацию; сражаться голыми руками и использовать самое современное оружие и технику. Ко всему прочему члены группы в боевой обстановке понимали друг друга с полужеста и с полуслова. За последние четыре года они сработались настолько, что порой дышали в унисон, невзирая на внешние различия, неодинаковый возраст и совершенно разные по уровню склонности характеры. За шесть лет существования «третьей» любые задания они выполняли по наивысшей шкале оценок и понесли за это время лишь одну боевую потерю. Случилось это четыре года назад – и тогда место погибшего на смертельном задании товарища органически занял Курт, урожденный немец, с детства хорошо знавший русский язык. С тех пор на счету группы числились лишь одни победы без единой жертвы в самой группе. И все пятеро воинов заслуженно пожинали лавры неоспоримых победителей.

Вот тут оно и случилось. Может, слишком расслабились, может, разленились, но уже в первые дни обсуждения сошлись во мнении, что орешек им не по зубам. Потому как все пятеро считались невероятными реалистами и никогда не прятали голову в песок от суровой действительности. Хотя что, казалось бы, проще: отыскать все связи, вскрыть всю подноготную, разоблачить самую сущность, а в финале и обезвредить какого-то там торговца. Пусть с большой буквы. Но не успели они как следует подступиться к объекту своего интереса, как сами оказались и вскрыты, и разоблачены, и обезврежены. Причем самым нереальным, фантастическим, а как со временем пришлось удостовериться, и колдовским способом. Реа-

лизм реализмом, но иначе как колдовским метод их пленения, а потом и перенос в иной мир назвать было нельзя. И если сейчас любой воин посматривал по сторонам с приемлемым спокойствием, то в первый день они испытали настоящий шок.

Еще бы! Они только расположились в особняке рядом с местом жительства Торговца и принялись обживать, как все поодиночке оказались выдернутыми в пустынное мрачное место, совершенно не похожее на Землю. Потому что в голубоватых лучах восходящего светила сразу заметили над головами целых три луны. Потом выяснилось что лун вокруг этого мира вообще пять. Но в первый момент, окажись на их месте кто-либо из простых обывателей, он мог бы стать зайкой.

Первой в мир Зелени попала Сильва. Совершенно голая, прямо из ванны. Пока она изумленно оглядывалась с открытым ртом, рядом вывалился Василий со спущенными по щиколотки штанами: его сорвали с унитаза. Лишь только он оправился и снял футболку, передавая ее покрывшейся пупырышками Сильве, как рядом с ними с высоты трех метров грохнулась Дана. Черноглазая красавица как раз переодевалась на втором этаже особняка, и оставалось удивляться, как ее обе ноги, оказавшиеся в одной штанине брюк, не поломались при падении. Пока троица переругивалась и пыталась осознать случившееся, появился Петруха. Его утащили с кухни, поэтому он крепко сжимал в руках полбуханки хлеба и надкушенную палку колбасы. Василий после этого разразился самой жуткой тирадой сквернословий в жизни: ни у кого из четверых не оказалось при себе оружия! Даже простейшего ножа или вилки. С женщинами было понятно сразу, Петруха вынул свой любимый нож и положил на стол для заточки, а старший группы снял тяжелый пояс с оружием перед тем, как облегчиться, и положил его на умывальник. Больше на нем ничего не было: они только въехали, и слежку за домом объекта вел лишь Курт. По здравом размышлении они поняли, что если и его сбросят, то уж у него точно будет оружие, ведь он на посту.

Не сложилось. Видимо, за этот самый длительный интервал в четверть часа неведомая сила и по этому вопросу провела полную ревизию: Курт вывалился из пустоты в бессознательном состоянии. Да, оба его пистолета и электрошокер уникальной модели оказались при нем, но без магазинов и батареи. Оба его ножа под штанинами на лодыжках тоже кто-то экспроприировал. Как и часы с толстым браслетом, напичканные вылетающими отравленными иглами. А когда немец через полчаса очнулся, то поведал, как у него за спиной что-то вдруг загремело и не успел он обернуться, как его лицо буквально залила струя быстро усыпляющего газа.

Личному составу «третьей» очень хотелось домой. Невероятно. До слез. Но глядя на выплывающую на небо четвертую луну, они как-то сразу поняли, что многочисленные чипы, напичканные в разные места их тел, в данном случае полностью бесполезны. Родная контора их не найдет.

А вот найдет ли тот, кто их сюда закинул? Тут мнения разделились. Невзирая на холод, возникла горячая дискуссия, в которой Дана, Сильва и Петр утверждали, что их таким способом приговорили к смертной казни через холод и голод, тогда как Курт и Василий рьяно возражали. Немец рассуждал о нецелесообразности и нелогичности подобной казни, тогда как старший группы был до хрипоты уверен, что такими боевыми специалистами просто так не разбрасываются. И с бешено вращающимися глазами кричал только одно: «Нас казнить нельзя! Мы любому можем пригодиться!»

Но время шло, давно перевалило за полдень, и, хоть холод исчез и стало тепло, беспокойство только нарастало. Вдобавок голод стал поджимать. Прихваченную с Земли палку колбасы и полбуханки хлеба решили благоразумно отложить на туманное будущее. Казалось, правы женщины и молодой Петруха: «третья» свое отработала и больше никому не понадобится. Стали осматриваться по сторонам, прикидывая, в какую сторону двигаться из этого мрачного негостеприимного места, очень напоминающего помесь степи с полупустыней.

И все-таки опытный Василий и педантичный немец оказались правы. Что и подтвердил своей первой фразой появившийся несколько в стороне тот самый объект из недавней опеки, загадочный Торговец. Правда, появился он почему-то с грохотом, напоминающим предгрозово-вой гром. В руках у него имелся складной стол с походными стульями, а за плечами висел большой, битком набитый рюкзак.

– Ну что, дамы и господа, плохого вы мне ничего не сделали. Хотя по меркам права многих государств вы и подлежите смертной казни. Я немножко тут покопался в вашей истории, подслушивая ваши разговоры, и понял самое главное: вы отличные, можно сказать, одни из лучших, солдаты. А значит, у вас есть неплохой шанс заслужить для себя свободу и безбедное существование в недалеком будущем.

Говоря все это, Торговец разложил стол, водрузил на него рюкзак, оставил пять стульев, а сам на шестом вполне благоразумно расположился метрах в восьми в стороне. Затем приглашающим жестом указал на рюкзак:

– Наверняка вы слегка проголодались! Приступайте без всякого стеснения. Да, там еще и некоторая одежда для вас, можете приодеться. И... это... старайтесь вести себя спокойно, не надо в меня ничем бросать, а то я могу очень разозлиться и сделать из вас огромную кучу окровавленного фарша.

Последние слова были сказаны таким ледяным тоном, что Василий пожалел о своих намерениях. Он и в самом деле хотел подойти к странному колдуну как можно ближе и запустить ему в лоб один из пистолетов Курта. Потом оглушенного пленника можно было бы связать, допросить и заставить... А вот по поводу «заставить» – явные проблемы. Да и связать или даже оглушить такого типа вряд ли возможно. Ведь он при малейшей для себя опасности моментально скроется в пустоте, и ищи его потом и свищи! Особенно если и в самом деле рассердится.

Поэтому условным жестом Василий дал команду «отбой захвата» и первым стал одеваться. Затем так же деловито разложили на столе еду и приступили к насыщению, тогда как Торговец продолжил выкладывать свои размышления, требования, предложения и вытекающие из них вопросы.

– Значит, так, ребята и девчата. Ваши чипы никак не позволят вам вернуться на Землю. О! Молодцы! Вижу, уже и сами сообразили, каков адрес вашего бытия. Так вот, мало того что вам не поздоровится за срыв последнего задания, так и в будущем ваша судьба совершенно незавидна. Вас ждет одно: либо смерть на задании, либо подсыпанный в пищу яд после особо важного задания. В крайнем случае – пуля в затылок при определенной выслуге лет.

Об этом почти все и так догадывались, но самый молодой все равно не стерпел:

– Если дослужимся до больших званий, умрем от старости в тишине и покое.

– Да? В тебе, Петя, еще так много наивности! Из тысячи таких боевиков, как ты, до генерала дослуживается только один. А вас пятеро. Простая арифметика показывает, что кто-то из вас таки имеет шанс пробиться к «большой кормушке», но уж двое – совершенно нереально. Так что предлагаю вам более приемлемый и совершенно радужный вариант вашего пенсионного бытия. Или есть желающие сразу утопиться, но не менять руководство?

За всех ответила насупленная, но от этого еще больше неприятная на вид Сильва:

– Может, ты нас еще и на колени поставишь? И молиться на себя заставишь?

Дмитрий Светозаров рассмеялся:

– Милашка, я никогда никого не заставляю. Но устроить подобные чудеса могу.

– Вряд ли у тебя чего получится, миленок! – со злостью ответила женщина, а ее обезображенное лицо скривилось в презрении. – Даже продаваясь, я очень разборчива.

– Кто бы сомневался. Но и у тебя ведь есть уязвимое место: твое лицо...

– Слушай, Торговец! – При всем своем женоненавистничестве Василий за боевую подругу любому мог оторвать голову, и не было случая, чтобы при нем кто-то посмел обидеть несчастную. – Можешь нас грузить как хочешь, а вот в душу и наши раны не лезь!

– Ладно. Только сразу хочу сказать, что в качестве дополнительного бонуса в конце вашего задания я еще и вылечу кожу твоей подруги от этого неприятного прыщавого синдрома.

– Такое не лечится! – вырвалось у Сильвы помимо ее воли.

– Не забывай, где мы. На Земле, может, и не лечится. Здесь – элементарно.

– Так вылечи в качестве аванса, – это уже вставила Дана.

– Хм! Во-первых, в качестве аванса я вам уже оставил ваши жизни! – Торговец многозначительно поднял указательный палец вверх и сделал паузу. – А во-вторых, сейчас для лечения нет времени. Обстоятельства не позволят вам прохладиться и заниматься длительной подготовкой. Поэтому доставайте в боковом кармане рюкзака карту, внимательно на нее смотрите – и еще более внимательно слушайте.

Курт быстро уложил остатки продуктов в рюкзак, а Василий расстелил на столе уникальную по качеству карту. Пять пар глаз расширились и уставились на нее в изумлении, тогда как пять пар ушей зашевелились, с усердием ловя каждое слово. Никаких сомнений в свершившемся чуде у членов «третьей» больше не возникало.

Они видели совершенно невообразимые по конфигурации материки. Всего два, но соединенные между собой двумя мощными широкими перешейками. Но если восточный материк весело пестрил разноцветными территориями, тысячами городов и прочих красивых обозначений, то вдвое меньший западный удивлял однообразным серым цветом да обозначенными еле видимым пунктиром географическими символами.

– Это только одно полушарие, – стал давать пояснения Дмитрий Светозаров. – На втором еще пять материков, и там все обстоит благополучно. Беда только в одном, который выделен серым. Там расположена Успенская империя ашбунов, злобных и противных колдунов, которые занимаются геноцидом собственного народа и строят козни мирным жителям этой планеты. Кстати, мы в ней сейчас и находимся, отмечено это место ярко-зеленым крестиком. Теперь о вашей цели.

Задание оказалось сложнейшим. Следовало броском преодолеть кусок степи, затем углубиться в леса, прилегающие к одному из перешейков, и, выйдя на «тактический простор», обозначенный на карте синим кружком, в течение недели навести самый отчаянный террор своими диверсиями. Уничтожать мосты, взрывать тоннели, сжигать склады с продовольствием и уничтожать колонны с живой силой противника. Там сосредоточиваются войска ашбунов для агрессии на восток, поэтому следовало любыми средствами это наступление если не сорвать, то свести его эффективность на нет.

Затем группе следовало спешно проскочить в западном направлении и, преодолев заболоченные низины со смешанным лесом, выйти к горному массиву Бавванди. Обведен он был на карте толстой желтой линией. По проложенной в центр этого массива дороге идти нельзя, а значит, надо на нее выбраться где-то вблизи окончательной цели: черного монолита. Красный крестик. И уже на месте придумать, как его разрушить.

Все оружие, боеприпасы, снаряжение и продукты Торговец обещал давать группе по мере ее продвижения вперед. Что опять-таки заставило сильно призадуматься всех пятерых воинов. И вновь молодой Петруха не удержался от очевидного вопроса:

– Если ты такой крутой и все можешь, то почему ты сам на этот драный монолит не сбросишь бомбу? Или вообще не утопишь в океане?

Новый хозяин «третьей» долго молчал в ответ, видимо раздумывая, стоит ли раскрывать все карты, а потом отделался ничего не значащими словами:

– Но ведь надо и вам дать хоть какой-нибудь шанс отличиться.

За эти его слова сразу ухватился старший в группе:

– Хорошо, допустим, мы отличились. Все выполнили. Тогда у народа возникают вполне справедливые вопросы. А что мы с этого будем иметь? Оставят ли нас после этого в покое? И вернут ли нас на Землю?!

– Начиная с последнего: вы отныне и навсегда остаетесь жить в этом сказочном и прекрасном мире – Зелени. Второе: после завершения задания вам дается право выбора: либо продлить свою воинскую карьеру в армии империи Рилли, либо выбрать себе любое дело по душе и интересам, либо уйти на пенсию. Ну и напоследок, что вы с этого будете иметь: каждому из вас даруется титул с одновременным закреплением навечно земельного надела со всеми прилегающими к нему поселками, замками, садами, источниками и прочим. Причем все это освобождается от императорского налога на три поколения. То есть еще ваши внуки будут жить совершенно беззаботно, безбедно и беспечно. Да и налоги, я вам скажу, в этом мире весьма умеренные. Их не в силах платить только ленивый или мертвый.

После чего Торговец резко вскочил на ноги и заторопил:

– Итак, время не ждет! Все понятно?

По лицам пятерых пленников видно было, что те могут задавать вопросы сутками напролет. Позволить себе такую роскошь Дмитрий не мог.

– Значит, в путь! На тридцатом километре вас ожидает «сброс» со всем необходимым. В дальнейшем я вам подброшу не только все, что потребуете, но и такие технические новинки, что вы станете непобедимыми. Почти. Но сейчас поторопитесь: в ночное время из этих безжизненных песков под нашими ногами выползают очень страшные твари. Причем очень голодные. Поэтому здесь никто и не живет.

На том они тогда и расстались.

А теперь пятеро диверсантов, оставив за своими плечами обожженную, изуродованную землю возле перешейка, наблюдали за трактом и тщательно выискивали пещерку на отшибе для предстоящего отдыха и ночевки.

Глава 3

Слабость – спасение

Александра пришла в себя от пронизывающих холода и сырости. Причем не стала сразу ни дергаться, ни резко открывать глаза, ни выдавать свои мучения стоном. Просто, прекрасно зная, как себя ведут люди в бессознательном состоянии, так и продолжила лежать в неудобной позе. Но постаралась сообразить, как и где она лежит. Руки оказались связанными за спиной узлами щадящего режима. Вроде и пальцы не занемели, но развязаться или выскользнуть невозможно. Ноги – тоже. Голова гудела и пульсировала жуткой болью, поташнивало – скорее всего, сотрясение мозга обеспечено. Плохо. Сообразительность и логика, глушимые болью, отсутствовали напрочь.

Дождавшись очередного облегчения, сосредоточилась на окружающей среде. Не поверив первому ощущению, слегка пошевелила ноготком: так и есть, эмалированная, но уже истершаяся от времени поверхность ванны. Стали понятны и неудобная поза, и сырость, и холод: наверняка поливают время от времени холодной водой.

«Следовательно, раз не сижу привязанная, как прежде, к стулу, значит, перенесли в другое место. А то и перевезли. Догадаться бы еще, как далеко от конторы и сколько времени провела без сознания. И кто находится рядом. Неужели понял, что очнулась, и ждет моего первого движения? Хотя какая, в принципе, разница? В любом месте контора меня не оставит ни на минуту без опеки и не даст ни единого шанса на случайное спасение. Значит, у меня только один шанс оттянуть неизбежное: как можно дольше оставаться без сознания. Вот только как? Может, пробовать вспоминать трупы? – В тот же момент Александра стала проваливаться в омут бессознательности и постаралась представить нечто совсем противоположное. Мысленно вздохнула с облегчением: – Ну вот и хорошо! Самая большая моя слабость мне и поможет...»

Где-то вдалеке скрипнула дверь, послышались шаги, затем стукнула вторая дверь, и наконец невидимые посетители вломились в ванную. Из-за маленьких размеров даже на слух сразу стало тесно и оглушающе громко.

– Ну что, очнулась? – раздался отныне мерзкий голос Павла Павловича.

– Как мороженная вобла. – Еще более ненавистный голос Бориса Королюхова. Так вот кто здесь сидел и не спускал с пленницы глаз! – Скорее всего, вы ей мозги выбили окончательно. Даже неинтересно с ней. А у вас как?

– Взяли живчика, хотя и пришлось изрешетить основательно.

От этой фразы девушка чуть не завyla в голос как раненая волчица: «Неужели я не смогла спасти Дмитрия?!» – но тут же вспомнила, какими великолепными актерскими талантами обладает старый зубр по специальным операциям. Такой будет врать везде, всегда, просто не задумываясь об этом. Просто имея в виду предстоящий допрос и действуя подобным образом на тот случай, если девушка очнулась и все слышит. «Не верю! И не поверю, пока не увижу труп Дмитрия своими глазами!»

– Так что, эту сучку теперь в расход? – оживился еще недавний мнимый миллионер герр Бонке. Потому что в любом случае его дорогостоящую легенду контора теперь прикроет.

– Ты ведь сам мечтал с ней порезвиться?

– И сейчас мечтаю. Только бы привести в чувство и создать для нее надлежащие удобства, гы-гы.

От предвкушающего смеха и рассуждений садиста тело Александры непроизвольно покрылось мурашками.

– А уж тогда я растяну удовольствие.

– Скорее всего, она тебе и достанется, – буркнул шеф конторы с каким-то недовольством. – Только вот и я с ней хочу напоследок побеседовать. А если она так будет валяться, то и концы отдаст от пролежней. Поднимайте ее и несите в комнату!

Четыре мужских руки выдернули девушку из ванны и беспардонно проволокли метров десять. Затем бросили на некое подобие дивана. Видимо, очень старого, потому что сразу чувствовались колющие выпирающие пружины. Все это время Бориска приговаривал:

– Ну что, детка, помыли тебя, теперь скоро и до ласки дойдет. Ты ведь любишь удовольствия? Так и я их люблю! Вот ты мне эти удовольствия и предоставишь в полной мере. Эй, слышишь меня?

– Дайте ей нюхнуть этой гадости!

И опять мерзостное зловоние какого-то средства заставило вывернуться внутренности наизнанку. Делая вид, что только очнулась, Александра хрипло задышала, переходя на стон, и быстро-быстро заморгала. Скорее в силу выработанной годами привычки стараясь осмотреться и отыскать хоть какие-то возможности к побегу. Подвальное помещение без окон. Неужоженная, пыльная комната. Второй подобный диван под противоположной стеной, несколько стульев по сторонам, в центре – бильярдный стол средних размеров. Кричать бесполезно, в такие места никто и никогда на помощь не приходит. Да и не оттащили бы пленницу в иное место, контора подобных промахов в своей деятельности не допускала. Для гарантии – два дюжих охранника и стоящий рядом с ними Бориска с перевязанным плечом. Так и сверлят злобными взглядами.

Шарящие по сторонам зрачки девушки не укрылись от внимания шефа конторы.

– Это ты зря, Шурка. Со мной такие номера не проходят. Любой, кто меня обманул, – труп. А ты обманула меня дважды. Так что считай сама, что заработала при окончательном оформлении «бегунка». Вначале тебя будут долго готовить к смерти. – Кивок в сторону ухмыляющегося Королюхова. – А потом тебя раз двести будут умертвлять в известном тебе институте.

Это была не угроза, а констатация факта. Александра уже имела неосторожность один раз почти стать подопытным кроликом в бесчеловечных медицинских экспериментах. Тогда только заступничество, поручительство и еще невесть что со стороны Павла Павловича и его всемогущих шефов спасли от страшной участи. После этого ей вживили под кожу несколько чипов, и девушка обязалась работать на контору до самой смерти.

Теперь чипов на ней не было, зато смерть приблизилась вплотную и хищно скалилась из дальних полутемных углов бильярдной. Вполне понятно, что мысли бились в голове одна печальнее и пессимистичнее другой: «Судьбу не обманешь... Спасти меня некому... Любовь мне не пошла на пользу, как была наивной дуручкой, так и осталась...»

Но вслух она постаралась высказаться без страха. Еще и чудом не разбитые губы скривила с наивысшим презрением:

– Раз я труп, то мне уже нечего бояться.

– Да? А как же твоя совесть? А как же твои душевные терзания? – глумился здоровенный мужик, нависая над связанной жертвой и дыша ей прямо в лицо вонью испорченных зубов. – Тебе не будет страшно и тоскливо на том свете вспоминать, что из-за твоего предательства пострадало так много людей? Тебя не замучит совесть, если ты будешь знать, что и твой Светозаров отныне считает тебя предательницей и виновницей его ареста?

От таких обвинений Александра коротко, со всхлипом вздохнула и воскликнула:

– Я никого не предавала!

– Ха! Да ты плохо разбираешься в жизни, малышка! – Павел Павлович распрямился и скомандовал Борису с охранниками: – Подождите меня наверху!

И пока те выходили, стал прохаживаться вдоль дивана. Поэтому не заметил, каким озлобленным подозрительным взглядом одарил его Королюхов перед тем, как плотно закрыл дверь.

Видимо, Бориска все бы отдал, чтобы присутствовать при разговоре. Из чего следовало, что даже ему не все договаривают, что даже его стараются держать в ежовых рукавицах. То есть тут каждый вел свою игру: Королюхов мечтал найти убийственный компромат на шефа, а тот намеревался разыграть свою очередную многоходовую комбинацию. Понять, к чему эта комбинация приведет, не представлялось пока ни малейшей возможности, а вот попытаться сыграть в ответ – всегда пожалуйста. И пленница со всем возможным вниманием приготовилась слушать. Игра началась.

– Твоего дружка сейчас пытаются разговорить очень нехорошие ребята, – начал шеф таким дружеским тоном, будто они сидели у него в кабинете за чашкой кофе. – Даже мне обидно, что не доверили вести допрос. Но тут ладно, начальству видней. Да и присутствовать разрешили, все-таки общее ведение операции у меня не отобрали. Хотя, – он тяжело вздохнул, – чего уж там вести, все сливки сняты, а вот скандал, вернее его последствия, придется разгребать мне.

– Неужели вся пресса и телевидение требуют моего освобождения? – добавив в голос максимум оптимизма, воскликнула Александра.

Шеф конторы благодушно кивнул:

– Требуют. Но мы это переживем. А вот стрельба на центральной площади, а затем и последующая эвакуация тела Торговца переполошила пол-Европы. Есть раненые среди гражданских жителей, при смерти десятилетняя девочка, одна женщина убита. Сотни свидетелей беспрецедентного в истории ареста.

– Ареста или бандитского нападения? – уточнила она.

– Не ерничай! Ты ведь прекрасно должна понимать, что все эти жертвы – на твоей совести. Стоило тебе передать Светозарову нужные слова, и он бы сейчас спокойно беседовал со мной в кабинете, оговаривая условия нашего взаимовыгодного контракта. А так – так его продырявили, масса пострадавших невинных обывателей, труп, тебя вот списывать приходится.

– Не я первая, не я последняя...

– Тоже верно. Но теперь вся контора перешла на нелегальное положение. Приходится дуть на холодное и разогревать пригоревшее. А с твоим клиентом вести переговоры о заключении контракта только с условием спасения его жизни. Александра продолжила вполне очевидное течение беседы:

– И он за меня при составлении контракта не заступился?

– Нисколько. А уж когда узнал о твоей роли вообще и о твоей идее с бабушкой в частности, так вообще взбеленился.

– Какой идее?! – Девушка растерялась, а все нутро у нее предательски задрожало. – И при чем тут...

– Ну не притворяйся полной дурочкой, – ухмыльнулся Павлович. – Когда при допросе всплыли наши первые наработки по его поимке, он, конечно, сразу поинтересовался, кто предложил убрать твою подставную бабушку ради твоего с ним телесного контакта. При этом он так сжимал кулаки и сверкал глазами, что мы не стали его разубеждать в том, что это твоя идея.

– Сволочи! Вы убили Катаржину?! – Вопрос вырвался со змеиным шипением.

– Ну почему убили? – цинично удивился недавний начальник связанной пленницы. – Она и так была старая, сердце болело, дышала на ладан из-за своего курева. Подумаешь, днем раньше, днем позже...

Александр и самой приходилось пользоваться в работе долей определенного цинизма. И черный юмор не вызывал у нее отторжения при беседах с коллегами во время перекуров. Но опускаться до такого кощунства и убирать собственных, десятилетиями проверенных сотрудников ради достижения поставленных целей – такое у нее в голове не укладывалось. От пронзившего все тело бешенства Александра уже готова была перейти в обморочное состо-

яние, когда мелькнувшая искоркой мысль заставила ее затаить дыхание: «Он блефует! Не мог Дмитрий подобным образом реагировать на такое обвинение в мой адрес. И не потому, что он при этом кулаки не сжимает, они его совершенно не изучили! Только я знаю его реакцию на подобное известие: он бы закрыл глаза и просто тихо переживал. Но и мои последние слова он просто обязан был понять до конца: ценой собственной жизни я пыталась спасти его. И если бы это было не так, то в таком случае и мне самой жизнь не мила. Но я в него верю! Дима не такой! А значит, они его не поймали! Он ушел! Обязательно ушел! И – есть шанс!..»

Дальше додумывать она не стала, боясь радостным сиянием в глазах или дрожью в голосе выдать свою радость от умозаключений. Просто зарычала с бешенством и остервенением:

– Твари! Какие же вы твари! – Да еще и задержалась всем телом, словно пытаюсь освободиться от пут.

Кажется, такая реакция оказалась вполне ожидаемой, мучитель не улыбался, но продолжил с полной уверенностью:

– Мне безразлично твое мнение обо мне или Казимире Теодоровиче. А вот некая заинтересованность в тебе осталась. Не скрою. Именно поэтому я тут сейчас перед тобой изгаляюсь. В другом случае тобой бы уже давно услаждался Корольох, изошедший слюной от нетерпения. Так что теперь вступление закончено и я перехожу к сути моих основных вопросов.

– А если я не смогу на них ответить?

– Тогда я зову Борюсика, а с тобой прощаюсь навсегда. Устраивает?

– Конечно не устраивает, – продолжила игру Александра. – Что бы ни случилось, жить-то хочется. А тут все зависит от каких-то вопросов. Про новые миры?

– Это уже не твоя прерогатива, – отмахнулся Павлович, – да и не моя. Торговец сам все расскажет и покажет. Опять-таки, черт побери, не мне. У нас с тобой другая задача: погасить как можно скорее еще один скандал. – Заметив, что девушка открывает рот для очередного язвительного вопроса, он вспылил и перешел на крик: – И прекрати паясничать! Не забывай, в каком ты виде и что тебя ждет! И не подумай, что я тебя пожалею! Мой шеф меня тоже жалеть не собирается и может оставить рожки да ножки от моего послужного списка! Понятно?

– Так точно, Пыл Пылыч, – нисколько не пугаясь дикого крика, скривилась девушка. – Хотя мне мои рожки и ножки ближе к телу.

А про себя подумала: «Лишний раз убеждаюсь: после такого дела всю контору «зачистить» могут. А вот этого зубра могут и оставить! Ведь он только что проболтался про своего шефа. В единственном числе! А ведь, помнится, поговаривал, что над ним «двое». Что это значит? Или один помер, или изначально у руководства конторы стояли только два человека. Но тогда по логике получается, что вторым как раз и является сам Пыл Пылыч! Вот так дела...»

– Эх, Шурка! Потеряла ты всякое доверие полностью. Так вот: нам надо замять скандал по поводу детей. Он разрастается, как степной пожар, и если мы его не погасим немедленно, тут уже вся планета вздрогнет.

По поводу детей Александра ничего не знала и не догадывалась, поэтому сразу смирилась со своей дальнейшей участью. А вот гроыхающие в голове выводы продолжали до странности взбадривать все тело: «Но почему этот зубр так расслабился и проболтался? Неужели потерял свою осторожность до такой степени, что перестал следить за каждым словом? Старееет? Да нет, скорее всего, твердо уверен, что живой я отсюда выйду разве что на хирургический стол лаборатории. Поэтому и утратил на короткое время полный контроль. Что он там плетет про этих деток?..»

– ...Никого! Ты себе представляешь: никого из тех детей, усыновлению которых помогал Светозаров, нет в наличии. Это кошмар! Мало того, подавляющее количество новых опекунов и родителей тоже исчезли. А в ответах их прислуги и родных фигурирует только одна фраза:

«Уехали в туристический вояж!» Как тебе это? Все! Более трехсот человек – и все одним лайнером? Или поездом? Потому что никто конкретно не может указать, как, на чем и куда.

Шеф конторы замер на месте, опустил руки вдоль туловища и, грозно сдвинув брови, спросил:

– Чем можешь помочь в возвращении детей?

«Опять логические неувязки! Почему они этого не потребуют от Дмитрия?»

Словно догадавшись о ее размышлениях, Павлович раздраженно фыркнул:

– Светозаров категорически утверждает, что к детям он никакого отношения не имеет. Его тоже раскрутят, если, конечно, он всех этих деток не уничтожил или не продал в рабство по своим мирам. Но время очень поджимает, и помочь можешь только ты.

Девушка уже решила для себя все и окончательно. Тем более, что и при всем желании она не знала о детях совершенно ничего. Поэтому в очень неудобном положении пожала плечиком и выдавила со слезами:

– Увы, я ничего про детей не знаю. Я ведь уже докладывала...

– М-да? Ну ладно, во всяком случае, я сделал все, что мог. – Шеф конторы тяжело вздохнул, грузно шагнул к двери и рывкнул в соседнее помещение: – Борис! Иди сюда!

Через минуту тот появился с настороженной улыбочкой и в сопровождении охранников.

– Можешь ею заниматься, как пожелаешь. Главное – не до смерти. А если переборщишь, – шеф многозначительно показал глазами и на потолок и на стены, намекая и на прослушку, и на подсмотр, – то я тебя сам остановлю, а потом и тебе не поздоровится. Институту она слишком дорого обошлась, и деньги уже перечислены. – Уже на выходе он оглянулся: – Да, если чего выпытаешь полезного, мы тоже сразу услышим. А вы тут ему вначале помогите – и тоже наверх!

Последний приказ относился к охранникам. Да они и сами, видимо, не желали здесь оставаться. Слава заядлого садиста окружала Королюхова уже не один год.

Под его руководством застелили бильярдный стол большой простыней. Ободрали с девушки остатки одежды, закинули тело на расстеленную простыню и прикрепили растяжками за руки и ноги в виде буквы «икс».

Проверив прочность пут, Королюхов отправил охранников наверх, а сам стал медленно, морщась от боли в плече, раздеваться:

– Ну вот, малышка, ты и дождалась нашего уединения. Потерпи еще чуть-чуть...

Александра задыхалась резко и отрывисто, готовя себя к искусственному обмороку и несколько раз дергаясь, словно от страшной боли:

– Борис! Мне плохо! Мне жутко больно под лопаткой и плохо... Помогите мне!..

– Конечно, помогу! Как не помочь боевой подруге? – юродствовал садист, взбираясь голышом на бильярдный стол. – Вот прямо сейчас и начну помогать...

Он только стал к ней наклоняться, как девушка, живописно представив на его месте разложившийся и отвратно пахнущий труп, с резким содроганием потеряла сознание. Успев напоследок выдохнуть из себя прощальное слово:

– Я умираю...

Глава 4

Отшельники

Группе пришлось проторчать на усиливающемся морозе до самого вечера. Спускаться под лучами голубого светила, даже с их умением превосходно маскироваться, воины не рискнули. Зато за долгие часы ожидания высмотрели интересующие их детали со всеми подробностями. Наиболее тщательно они наблюдали за поведением отшельников и за взаимоотношениями тех с магами. Здесь даже визуально была заметна масса нюансов, традиций и закономерностей.

Пещер было довольно много. Только под теми сходящимися к перевалу отрогами, где затаилась группа, входных отверстий наблюдалось более пятидесяти. Еще больше их виделось с другой стороны, видимо паломники добирались лишь во время слишком уж больших морозов или снежных буранов. Пока же, несмотря на усилившиеся за последние десять дней минусовые температуры, снег так и не выпал. Может, здесь вообще подобных излишеств не бывало, а может, нынешняя осень выдалась такой засушливой. Но, как выяснилось чуть позже, большинство идущих к горе магов становились на ночевку прямо на обочинах тракта. Они собирались в группки, разжигали посередине небольшой костерок, ужинали – и, накрывшись одеялами, дремали до раннего утра. Разве что некоторые особо фанатичные особи шли и ночью, проделывая весь путь за сутки или чуть больше.

Другое дело, когда паломники желали большего тепла и уюта. Тогда они сразу сворачивали с дороги и направлялись к тому створу, где рядом на камне восседала завернутая в несколько одеял фигура отшельника. Короткий торг, вручение мешочков, свертков или предметов – и хозяин пещеры первым проскальзывал внутрь. Порой маг скидывал перед хозяином пещеры с плеч внушительный тюк, и тогда его приветствовали с еще большей радостью. Устроив гостей внутри, отшельник чаще всего вновь выходил наружу в ожидании новых клиентов. Наверняка в первую очередь это зависело от объема пещеры. Если мест больше не оставалось или отшельник по каким-либо причинам не желал вообще никого видеть, то он просто прикрывал отверстие изнутри большим плоским камнем. В такие места никто из подошедших магов даже не осмеливался заглядывать или звать хозяина голосом. Возле самого перевала, близ тракта все пещеры без исключения были заселены отшельниками, а вот по окружности долины большинство пустовало, и желающие до них добраться паломники выбирали их по собственному усмотрению, устраиваясь там без всякой оплаты. Чуть позже выяснилось, почему там никто не жил постоянно: пещеры назывались «хладными» из-за отсутствия в них согревающего огня. А вот чтобы получить этот самый огонь от жрецов вершины Прозрения – для поддержания собственного быта и возможности принимать гостей, – кандидату в отшельники следовало безвылазно прожить в выбранной пещере более трех месяцев. Или получить огонь вместе с обителью в наследство от предыдущего хозяина.

В результате таких пертурбаций и внутренних договоренностей старожилы обитали в самых удобных, больших и расположенных близко к тракту пещерах. А новичкам приходилось селиться в дальних, непригодных и чаще всего «хладных». Понятно, что маги до таких некомфортабельных ночлежек доходили очень редко, разве что в сильные морозы спешили на ночевку во всю прыть. Кстати, три долины в центре тракта и четыре перевала, их замыкающие, так и назывались – «ночлежные». Потому что пещеры в других долинах если и заселялись кое-где отшельниками, то волшебный огонь туда жрецы монолита не давали.

Торговые пути к этому месту тоже доходили. Хотя их следовало назвать скорее тропками, чем путями. Но порой то один, то другой торговец с парочкой мулов карабкался по склону вверх – и там производил торговые сделки с нужным отшельником. Частенько торговец

и внутрь заходил, а судя по виднеющимся то тут, то там животным, некоторые коммивояжеры даже гостили некоторое время. Потому как понятно, что своих коней или мулов содержать местные обитатели пещер не могли: скотинку кормить было бы нечем, привозной овес ой как дорог.

Между собой отшельники фактически не общались, находясь в состоянии «холодной войны». Даже не смотрели в сторону друг друга. Разве что хозяева первой линии пещер, считавшие себя элитой местного общества, держались воедино. Порой переговаривались между собой вслух, порой – понятными им одним жестами. Иногда сходились друг с другом и чем-то обменивались. Но и элита, и новички, все носили на головах высокие папахи из черного каракуля – символ отшельничества и угодного великой святыне образа жизни. Пожалуй, только эта деталь наряда отшельника выглядела прилично.

Глядя на свисающие с их плеч старые рваные одеяла, можно было только удивляться подобной неприязнательности. Что и сделал в один из моментов Курт, сползая за каменный выступ вниз и принимаясь интенсивно разминать затекшие члены.

– Что-то мне не верится в богатство этих голодранцев! – При этом он имел в виду, что пойманный ими в предгорьях и допрошенный «язык» утверждал: каждый из паломников старается вручить отшельнику что-то ценное из своих запасов в надежде вымолить благожелательность черного монолита. – Тот варвар распинался, будто отшельники после пяти лет пребывания в пещере уезжают отсюда богачами. Те же, что остаются дольше чем на десять лет, еще и льготы какие-то имеют.

– Скорее всего, им только и полагается бесплатный пудинг за ношение этих тряпок.

Присоединившийся к Курту Василий сдернул перчатки и стал интенсивно разминать одеревеневшие пальцы.

– Все может быть. Я сам не нищенствовал и не побирался, но порой таких баек про таких типов наслушаешься! Мол, и миллионеры они, и миллиардеры.

– Вранье полное! – Сильва тоже решила немного размяться, на минутку покинув свой пост наблюдения. – Сам посуди, ведь сколько мы операций провели или расследований, а нигде и ни разу ни один клиент под кличкой «нищий» не проходил. И в начальных биографиях других клиентов строка «попрошайничество» отсутствовала.

Курт снял капюшон куртки, обе вязаные шапочки и теперь усиленно массировал кожу на голове, устраняя последствия контакта с упругой тканью.

– Вот потому нищие и отсутствуют даже в наших разработках, что умение мимикрии они развивают до совершенства, до крайностей. Став миллионерами, они продолжают жить как и прежде, и об их богатстве не подозревают ближайшие соседи, а порой и родственники. Они ничем себя не выдают даже спецслужбам или мафиозным структурам. А если уж бывшие попрошайки и начинают жить во дворцах на широкую ногу, то так преподносят свои капиталы, что никто их не может обвинить в чем-либо предосудительном. Умеют они скрываться и скрывать.

– Может, ты и прав... – Сильва тоже интенсивно, но весьма осторожно растирала свое изувеченное лицо. И хоть все в группе договорились сегодня ни слова не говорить о доставшем всех холоде, женщина не сдержала озлобленного рычания, перешедшего в ругательство.

Вполне понятно, что старший группы просто обязан был отреагировать:

– На кого это ты так озлобилась?

Боевая подруга могла и не отвечать, но от товарищей по оружию она ничего не скрывала. Да и хотела бы скрыть, не получилось бы.

– Опять проклятые прыщи стали гнить!

Когда такое случалось, Сильва при малейшем всплеске боевой активности превращалась в грозную фурию или трудноуправляемого берсерка. Да и в простейших бытовых ситуациях от нее следовало держаться подальше. Видимо, долгое нахождение в холодной среде обошлось

истрадавшей коже слишком дорого: начался очередной рецидив. Остановить раздражение следовало немедленно. Поэтому Василий добавил в свой голос грубости и металла:

– Только не вздумай ныть и кидаться на всех подряд! Нам тут всем не сахар. Лучше стисни зубы и тверди себе, что это в последний раз! После задания Торговец тебя излечит. Поняла?

Женщина перестала рычать и выплеснула копящийся гнев на свою болезнь простым, но шумным выдохом. Затем, неожиданно жалобно, пробормотала:

– Я уже в такое чудо не верю...

Пока Василий сглатывал неожиданный комок жалости в горле, со своей логикой вмешался в разговор немец:

– Ха! Как можно не верить в чудеса?! Если они прямо на тебя со всех сторон смотрят! Я на сто процентов уверен, что для Торговца тебя вылечить – вполне осуществимое действие. Так что выше нос, подруга, и будь уверена: мы еще погуляем на твоей свадьбе! Тем более, что я всю жизнь мечтал побывать именно на русском варианте этого торжественного мероприятия.

– Ну да, – уже более спокойно сказала женщина, все еще продолжающая сомневаться. – А если этот гребаный Торговец не появится? Смотри, уже сколько дней его нет. Мало ли что...

– Ну, если не появится, – повеселел Курт, – то нам всем здесь и настанет этот... как его по-вашему?.. О! Кирдык!

– Ха-ха! – неожиданно развеселился и старший группы. – Это совсем не по-нашему. Но суть одна: если новый работодатель не появится, то мы можем действительно загнуться возле того черного булыжника.

Казалось бы, скорая возможность гибели успокоила Сильву больше, чем призрачная перспектива излечения в будущем от ненавидимой ею болезни. Она даже попыталась улыбнуться:

– Вполне может быть, что возле вершины мы справимся легко. – Но сразу озабоченно добавила: – А вдруг взрывчатки не хватит?

– Значит, не судьба, – философски наморщился Василий. – Поищем чего-нибудь на месте. Если не найдем, отходим назад, прорываемся через перешеек и выходим на ПМЖ в более цивилизованные государства.

Слышавший каждое слово Петруха отозвался со своего насеста:

– Так, может, есть смысл сразу повернуть?

– Эх, Петя! С восемнадцати лет тебя знаю, и все шесть лет от тебя только и слышу глупые вопросы. Поэтому страшно удивляюсь, что ты жив до сих пор.

Парень нисколько не обиделся, скорее даже возгордился:

– Потому и живу, что стараюсь каждое сомнение свое разрешить заблаговременно. Да и мнение окружающих по любому поводу «оченно знать полезно». Помнишь, как в том древнем стишке прошлого века? «В диверсанты я пойду, пусть меня научат...» Как же учиться, если ничего не спрашивать?

– Так спрашивай по делу! – рассердился старший группы.

– Нет проблем! Вот наш новый хозяин утверждал, что мы будем все говорить на местном языке как на родном. Вроде бы при допросах пленников так и получалось. Нас боялись, но явно принимали за земляков. А вот как с Куртом быть? Неужели он и тут с акцентом говорит?

Все пятеро между собой переглянулись. Даже Дана оторвалась от бинокля и смешно потерла свой раскрасневшийся носик. И в самом деле, во время рейда с диверсиями и совсем недавно немец не принимал участия в допросах, стоя в боевом охранении. Лучшими профи по вытягиванию сведений считались Василий и Сильва, да порой Петруха, играя талантливо роль подранка, пытался загрызть оказавшего небольшое сопротивление «языка». Такой экспресс-метод тоже хорошо пробивал ашбунов на скороговорку. Но заданный вопрос и в самом выглядел своевременным: вдруг Курта кто-нибудь о чем-нибудь спросит в самый ответственный

ный момент – и вся группа сгорит на таком пустяке. Раньше проверить данную деталь как-то не сообразили.

– Уел, умник, уел... – признался Василий и повернулся к немцу: – Ладно, постараемся при беседе с отшельником тебя подключить. Но перед тем напомним, что у тебя проблемы с гортанью.

Тогда как сам немец с удивлением пожал плечами:

– Странно, но я почему-то уверен, что язык ашбунов я знаю на порядок лучше, чем русский. Но проверить и в самом деле не помешает.

Дане, видимо, надоело и мерзнуть, и наблюдать за местностью лишь с Петрухой. Поэтому она стала возмущаться:

– Может, уже хватит языками трепать? Скоро совсем стемнеет, а мы так окончательно пещерку и не выбрали. Если вы не хотите отогреться, то могу вас всех оставить здесь до утра. Времени-то у нас на переход и выбор места мало останется, скоро луны начнут всходить. Протрите глазки!

Напоминание о возможном тепле взбодрило всю группу, они усилили наблюдение и интенсивно стали обсуждать приемлемые варианты. Предпочтительней всего им показалась самая ближняя пещера. Она находилась на наибольшем удалении от тракта, и почти никто из паломников даже не смотрел в ее сторону. Хотя сам отшельник в черной папахе терпеливо сидел у входа, надеясь хоть кого-то заманить на постой. Несколько раз он на короткое время пропадал в своем жилище, но затем поспешно возвращался на прежнее место. Не баловали его гости, явно не баловали.

Вот именно к нему и вознамерились нагрянуть боевики с Земли. Тем более, когда основательно стемнело и стало понятно, что на ночлег никто больше не попросится, разочарованный отшельник скрылся в пещере, а вход на первое время оставил открытым. Как бы намекая на гостеприимство для запоздалых путников. Конечно, на всякий случай выбрали для постоя и несколько других пещер, оценивая их пригодность в порядке убывания.

По команде стали сгружать в мешки оружие, которое нельзя было спрятать на себе, и видимые металлические детали одежды. Не прекращая по очереди при этом следить через бинокли с приборами ночного видения за выбранной пещерой. И только собрались спускаться, как выдвинувшаяся дальше всех Сильва зашипела:

– Внимание! Кажется, в то же самое место направляются сразу три магирика. Причем поднимаются как бы раздельно, но слишком уж целеустремленно.

Помимо ночных биноклей были и очки с приборами ночного видения. Но их старались надевать лишь в редких случаях: берегли аккумуляторы. А миниатюрные рации общей связи, которую они коротко называли «общак», задействовали еще реже. Сейчас Василий скаречничать не стал:

– Надеть очки! Подключить «общак». Подходим вплотную.

Естественно, обладая таким преимуществом, земляне спустились к пещере сверху несколько раньше, чем трое неизвестных, двигавшихся вверх скорее на ощупь и ориентирующихся только на светящийся призывным теплом овал пещеры. Однако движение троицы настоятельно раживало все равно: явные воины, привыкшие двигаться и в такое время, и в таких местах. Да и без выделяющихся за спинами мешков, которые имелись у всех пеших паломников.

Дальше действие развивалось еще более стремительно. Все три подозрительных типа, как только собрались на небольшом уступе перед пещерой, на максимальной скорости нырнули внутрь рыбами. Оттуда послышался короткий сдавленный вскрик, и, после звуков короткой борьбы, изнутри вход заложили плоским камнем.

– Фи! Да здесь, похоже, за место в пещерке надо заранее бороться и наемных убийц нанимать, – шепотом проворчал Василий. – Хорошо еще, что туда раньше на ночлег не напросились.

– Тогда двигаемся к запасному варианту? – спросила Сильва.

Но ей возразила Дана:

– Может, стоит здесь к местным разборкам прислушаться? Вдруг это стражники или егеря? И они так каждую пещеру осматривают?

– Но ведь остальных не трогали?

– Достаточно лишь изредка такие облавы устраивать.

– Хм... Может, ты и права, – сомневался Василий. – Петруха, что там ниже?

– Чисто. На тракте тоже полное спокойствие, продолжают движение лишь фанатики. Да и то лишь те, кто идет обратно, от монолита. Они налегке.

– Добро, страхуйте меня!

Старший группы еще более густой тенью, чем ночь, промелькнул ко входу в пещеру и припал к камню. Подобные «двери» в таких местах, видимо, притирались веками, потому что ничего сквозь щель разглядеть было нельзя, да и голоса доносились глухо, с искажениями.

Но для преодоления подобного препятствия имелась видеокамера на перископном гибком стержне. С наивысшей разрешимостью маленького, с ладонь, экрана. С направленным микрофоном узкого или широкого действия. «Третья» издавна привыкла пользоваться новейшими техническими средствами, а Торговец для выполнения задания вообще экипировал уникальной аппаратурой. К некоторым устройствам воины присматривались вначале вообще с подозрением: на Земле они о таком не знали. Но впоследствии задействовали в каждом удобном случае без оглядок на место производства.

Гибкий стержень проскользнул в щель, наконечник с камерой, словно живой, выдвинулся во внутренностях пещеры, выбрал наиболее удобный ракурс, и в наушниках «третьей» раздались слова на языке ашбунов. Вдобавок старший группы еще и картинку наблюдал во всех цветах. Всю сцену прекрасно освещало внушительное пламя из грубо выдолбленного в стене камина.

– ... Не стоило его так злить своим непослушанием! – восклицал грозно один из троицы, продолжая какой-то свой монолог, пока оба его товарища заканчивали привязывать отшельника к большому столу, сделанному из толстых колотых плит мягкого туфа. – Бурулкан заботится обо всем поселке и лучше тебя знает нужды и чаяния каждого жителя. И правильно делает, что уничтожает таких смутьянов.

К тому времени рот плененного отшельника освободили от тряпичного кляпа, но кляп продолжили держать под рукой. Мало того, второй помощник подхватил с пола увесистый булыжник и многозначительно приподнял на уровень груди. Еще и буркнул при этом:

– Начнешь слишком кричать – раскрошу тебе все зубы.

Но пленник, наверное, и так понимал, что его крики не будут услышаны снаружи, потому не обратил никакого внимания на угрозу, а заговорил в ответ зло и отрывисто:

– Проклятый Бурулкан не смеет никому запрещать пройти путь Магириков! Любой ашбун имеет на это священное право.

– Ха! Ну и чего ты добился своим неповиновением? Стал жрецом? Да никогда подобного червяка вершина Прозрения не признает своим! Меня, призванного в палачи по зову сердца, вообще поражает, что тебя, уroda, сразу при входе не растерзало.

– Я не урод! Я мечтаю спасать, лечить людей, и в этом нет ничего преступного. Наоборот, если твои дети или родители начнут умирать, то ты ведь сразу помчишься к лекарю! Зачем же ты и вы оба, – он стрельнул глазами в замерших рядом помощников, – лишаете своих близких последнего шанса?!

– Замолчи! И не касайся своим грязным языком наших родственников! Нам хватит для излечения и умений Бурулкана.

В последнем утверждении уже не было прежней уверенности.

– Да этой твари нельзя даже лечение животных доверять! – На губах отшельника выступила пена бешенства и ярости. – Уж я-то лучше всех знаю, сколько сотен людей умерло после

его лечения! Вспомни о них, Шевенди! Твой дядя умер от невинной простуды! Сколько детей не дожило до своей первой годовщины после визитов нашего жреца?! Сотни! А в более позднем возрасте? Три твои двоюродные сестры и два кузена так и не стали совершеннолетними. Сколько наших женщин пали от тяжких ран после родов? Твоя родная сестра умерла вскоре после рождения своего первенца... Да этот коновал уже треть поселка угробил, он самый худший на наших землях, он враг нашим родам и семьям. Его только за это надо казнить на месте, а он умудряется командовать ничего не соображающим сбродом!

Движение указательного пальца – и рот пленника вновь был заткнут кляпом. Тогда как главный обвинитель некоторое время вынужден был умирять свои трясущиеся губы. Напоминание о родственниках разбредило его старые душевные раны. Но, так и не пожелав признать правоту отшельника, неожиданный гость с рычанием перешел к обвинениям:

– Да ты, я вижу, совсем за собой вины не чувствуешь! Кошунствовать начинаешь?! Посягаешь на статус высшего жреца? Главой над нашим поселком Бурулкана поставил сам великий император Маххужди! Как ты осмеливаешься сомневаться в его наивысшей воле? Только за это тебя следует немедленно четвертовать! – Он приблизился к распятому человеку и со всей силы ударил сплетенными ладонями тому под дых. Жертва забилась в удушье и волнах боли, тогда как палач прохрипел несчастному в самое ухо: – И я бы сделал это немедленно, если бы не приказ Бурулкана.

Затем он дождался, пока отшельник хоть немного придет в себя, лишний раз удостоверился, что путы не ослабли, и отправил своих помощников отыскать все ценное, что здесь имеется. Те молча кивнули в ответ, вынули из углубления в стене по факелу, подожгли их от каминного пламени и скрылись в каком-то проходе, ведущем во внутренние помещения. Как оказалось, пещерки здесь совсем не маленькие, раз следовало не просто бегло осмотреть жилище, а еще и обыскивать его.

Не дожидаясь результатов обыска, Шевенди еще несколько раз приложился кулаками к лицу пленника и только после того, как немного выпустил пар бешенства, стал говорить спокойно и рассудительно:

– У тебя, Деймонд, есть только один шанс остаться в живых. И если ты ответишь правильно на один вопрос, мы сразу уходим. Тебя завтра все равно кто-нибудь да развяжет, камень задвигать не будем. И я сейчас у тебя спрошу...

Его перебил вернувшийся помощник:

– Там в нише лежит тело старца. Похоже, прежнего хозяина этой норы.

– Ого, Деймонд! – всплеснул ладонями Шевенди. – Да ты ради того, чтобы здесь спрятаться и стать отшельником, убил прежнего святого человека? Вот так хитрость! Неужели ты думал, что мы тебя не отыщем? Что моргаешь? Хочешь что-то сказать? Ладно, послушаем... Вытащи-ка кляп.

На этот раз связанный мужчина не стал ни кричать, ни возмущаться, просто говорил тихим и совершенно равнодушным голосом:

– Никого я не убивал, и ты прекрасно знаешь, что убить человека я не могу.

– Почему же ты спрятал труп?

– Он там захоронен по завещанию, полторы недели назад. Об этом знают все другие отшельники. А перед своей смертью старец передал мне в наследство власть над огнем и права на эту пещеру.

Между тем подручный палача ехидно усмехнулся:

– Врет. Труп свежий и не подпорченный, а там тепло. Так что умер дедок не более двух суток назад.

– Вот так! Нас не проведешь! – рассмеялся Шевенди. – Будешь оправдываться?

– Нет, просто напомню тебе об одной детали здешнего бытия. Истинные отшельники здесь умирают только так: зная заранее с точностью до дня дату своей смерти. А перед этим

недели за две они сами спускаются к тракту и разыскивают среди магириков своего преемника. Я брел тогда по дороге от монолита, расстроенный и потерянный, когда меня пригласили сюда погреться. Да так и остался...

– Почему же труп не гниет?

– А чему там гнить? – Голос отшельника окреп и стал уверенней. – Ведь старец питался лишь изюмом да сушеными финиками. Иного подаяния он не принимал. И запивал эти сухофрукты только чистой водой. После смерти такие тела усыхают до состояния мумии в течение года, источая вокруг себя не вонь, а аромат осеннего сада.

– О-о... – многозначительно протянул палач. – Так этот старец здесь прожил очень долго? – И повелительно махнул помощнику: – Продолжайте обыск! Наверняка здесь накопилось немало ценного...

Воин скрылся опять во внутреннем проходе, но успел услышать:

– Истинные отшельники всегда бедны.

Но Шевенди теперь интересовало совсем другое. Он навис над лицом опутанного веревками земляка, схватил его за горло и тихо прошептал:

– Сейчас ты мне скажешь, где находится Пьяца. Говори! Для того чтобы расслышать ответный шепот, Василию пришлось резко усилить чувствительность микрофона.

– Я знаю, что вы меня убьете в любом случае. Обязательно убьете. Поэтому мне уже ничего не страшно. А где прячется Пьяца, вы все равно не узнаете. Можешь меня убить, порвать на куски, но я тебе о ней ничего не скажу. И подлый Бурулкан не получит девушку в свои грязные лапы.

– Да? Ладно, тогда мы тебя и в самом деле убьем. Но не сразу, а медленно и постепенно. Времени до утра нам хватит. А потом задвинем камень за собой, заклиним рычаг и уйдем...

После этих слов Василий встrepенулся, поманил к себе жестом Курта и указал на щель между камнем и стеной:

– Надо стопор поднять! Справишься?

Немец лишь тихо хмыкнул, достал свой самый длинный кинжал и, подсвечивая себе зажатым в зубах фонариком, стал искать способ подъема примитивного стопора.

Тем временем профессиональный душитель продолжал терзать свою жертву:

– ...А тебя постараемся оставить в сознании подкрадывающейся смерти. Сутки ты у меня проживешь, но не больше. Даже если тебя найдут, все равно не спасут. Но самое главное и печальное для тебя: мне и не надо знать, где эта срамная Пьяца находится. Я и так догадался: по пути сюда ты делал крюк к городку, где живет ее тетя, ведь так?

Судя по тому, как вздрогнуло тело отшельника, палач оказался прав в своих рассуждениях и догадках.

– Ну вот и прекрасно. На обратном пути мы туда обязательно наведаемся и покажем красотке твое оторванное достоинство. Посмотрим, как она на него отреагирует.

– Какая же ты мразь! – сипло прохрипел Деймонд, сотрясаясь в судорожных попытках вырваться. – Будь ты проклят именем монолита Прозрения!

– Ой! Как страшно! – рассмеялся палач, вставая. – Давно уж подобные проклятия не действуют. А тебя они тем более не спасут. – Он опытным взглядом осмотрелся, выбрал небольшой камень у дальней стены, поднял его с пола и, подкидывая в руке, вернулся к месту пыток. – Жаль, что нам сюда не удалось пронести даже маленький ножик. Но я и без этого справлюсь. Недаром же я виртуоз в своем деле. Вначале я тебе сломаю ребра, потому что тогда ты не сможешь громко кричать от дикой боли. Ну а потом пройдусь по твоим пальцам...

Курт к тому времени перестал пыхтеть и коротко доложил:

– Готов.

– На счет три! – скомандовал Василий, упираясь плечом в выпуклости плиты. Он уже понял, что ее достаточно просто на десять сантиметров катнуть в сторону, а потом просто толкнуть вперед, опрокидывая внутрь. – ...Два, три!

Громыхнул откидываемый стальной полоской каменный стопор, легко качнулась вправо плита, заскакивая в довольно глубокую выемку, даже валить не пришлось. Ширины прохода вполне хватило, чтобы протиснуться боком в пещеру.

В тот же момент Василию пришлось пригнуться от летящего ему в голову камня, который палач швырнул с невероятной силой. Да еще и крикнул при этом, призывая своих подручных: – Сюда! На помощь!

Это оказались последние слова в жизни Шевенди. Небольшой, почти беззвучный пистолет в руке старшего группы коротко дернулся, и на переносице не в меру шустрого камнемета появилась аккуратная дырочка. Стрелял Василий не просто точнее всех, но еще и дальше, и быстрее. Затем, не оборачиваясь, он бросил за спину Курту на родном русском:

– Зови всех греться.

К тому моменту и первый помощник появился, выскочив в пещеру на полной скорости и на ходу отбрасывая от себя битком набитый мешок. Перехватив факел, словно рапиру, он довольно смело бросился на незнакомца. Этот мародер получил по одной пуле в каждую ногу и с завываниями по инерции чуть не влетел головой в камин. Сапог нового гостя брезгливо оттолкнул его в сторону, чтобы не обгорел, а пистолетик дернулся еще раз. Ибо второй помощник оказался более осторожным и просто выглядывал из довольно темного прохода. Хорошо, что при этом плечо показал, иначе бы остался без глаза. А так лишь со стоном свалился на пол, но пока хоть живой и с глазами.

– Петруха, Дана! Хватайте этих двоих подранков, тащите в подсобки и там за час выдавите с них по паре тубиков информации! Курт, закрывай двери, кайф выходит! Но снаружи поставь «звоночек». Сильва, ищи воду и ставь тот котел на огонь, вари медвежьи лапы!

Старший группы раздал команды по-русски, а потом воздел руки и лицо к своду и без малейшей заминки сразу перешел на язык ашбунов. Максимально усилил голос – и замер как статуя. С далеко идущим расчетом сделав это с таким пафосом и торжественностью, что у самого от впечатления мурашки по спине побежали.

– Приветствую тебя, отшельник Деймонд! Твое проклятие свершилось, и великая вершина Прозрения выдернула нас из иного мира, чтобы наказать твоих палачей! Отныне ты под нашей защитой! Отныне самая великая святыня Успенской империи будет поддерживать все твои деяния!

Дождавшись, пока стихнет рокот его голоса, косил глаза на побледневшего отшельника и опустил руки. Переигрывать тоже не стоило. Дикари дикарями, но этак можно ляпнуть нечто настолько несуразное, что потом уж не выкрутишься. А так парочки фраз вполне хватит для создания должной атмосферы невиданного чуда сию минуту и для маневрирования в новой лжи в будущем. Разве что следовало сразу обозначить свое полное незнание местных реалий.

– Деймонд! Великое божество нам ничего не успело сказать, только вложило в головы твое имя и приказ о твоём спасении. Остальное все мы должны узнать у тебя, и только потом нам последуют новые указания о победной поступи справедливости в этой империи. Готов ли ты отвечать на все мои вопросы?

По всему было видно: не готов. Бледность не прошла, глаза словно два блюдца, щека дергается от непроизвольного тика, а из уголка приоткрытого рта вытекает тонкой струйкой слюна. Понятно, что вполне молодой еще мужчина только минуту назад настроился стойко принять мученическую пытку, переходящую в желанную смерть, а тут вдруг все изменилось. Палач лежит – не шевелится, вокруг мелькают какие-то непонятные люди, бесцеремонно достают все его припасы и проверяют на пригодность, а в его самый большой казан вливают воду и ставят на громоздкую глиняную треногу в самое пламя камина.

Кажется, последнее несуразное действие пришельцев переполнило чашу восприятия отшельника, сработал какой-то предохранитель – и он вернулся на эту грешную землю. Потому что больше всего опасался за сохранность своего уникального казана и его чувства вопили о главном несоответствии быта.

– Стойте! Вы испортите котел для варки! Надо зажечь огонь в другом месте.

– Так зажигай! – торжественно воскликнул Василий, острейшим десантным ножом со звоном стали о камень освобождая пленника от веревок. – Нашему воинству надо немедленно подкрепиться после прихода в ваш мир!

За такое короткое время пленения руки и ноги Деймонда не затекли, и он скатился со стола довольно ловко. Рухнул на колени возле стены, чуть сбоку от камина, и выдернул незаметную пробку из пола. Затем прямо горстями выхватил клубок пламени из общего огня и бросил в открывшееся отверстие. Тотчас вверх взвился небольшой столбик пламени, очень удобный для варки пищи в любой емкости, поставленной на треногу.

Только теперь земляне присмотрелись более внимательно к пламени – и мысленно ахнули. Вначале они были уверены, что в пещеру просто подведен по каким-то трубам газ, но подобное обращение с газом не укладывалось в голове. Да и слишком густым, маслянистым теперь выглядело пламя. А если долго к нему присматриваться, то начинало казаться живым. Хотя все равно в подводке горючего вещества обязательно были задействованы технические составляющие. Еще одна деталь: ни на котле, ни на стенках камина не наблюдалось и полоски копоти. Вот тебе и дикари!

Именно с таким выражением Сильва многозначительно посмотрела на Курта и Василия и принялась сноровисто доставать из отдельной сумки замороженные медвежьи лапы. Подобный деликатес считался отличным угощением в любом мире, а в этом так вообще выглядел редкостью. Причем настолько, что челюсть у отшельника отвисла в очередной раз, а дрожащий палец уткнулся в сторону разрезаемых кусков:

– Медвежатица?

– Конечно! – пугнула его своим лицом Сильва, но, кажется, привычного эффекта не достигла. – В нашем мире этих медведей, как тут зайцев. Только ими и приходится питаться в походе.

Тот же палец так и продолжал дрожать в прежнем направлении.

– Женщина! У тебя нож! Здесь нельзя быть с ножом! Откуда он?

Хозяин пещеры как-то непоследовательно не обратил внимания на ужасающее оружие Василия, зато теперь не сводил взгляда с чуть меньшего, но похожего ножа в руках женщины. Да и вообще, вместо того чтобы со страхом отвечать на вопросы пришельцев, ашбун сам начал спрашивать, а это старшего группы не устраивало. Подойдя вплотную, он приобнял отшельника за плечи и гаркнул в самое ухо:

– Деймонд! Начинай соображать! Что у вас здесь самое великое и святое?

– Вершина Прозрения...

– И эта вершина может карать и миловать как угодно! Правильно? Что замер, отвечай!

– Да... но вершина всегда свои приказы передает через императора. Ну... или через жрецов...

– А сегодня тебе явилось чудо! Вершина Прозрения сразу послала нас на твое спасение без согласования с вашим императором. Тем более что мне глубоко плевать и на него самого, и на ваших жрецов. Нами может командовать только монолит! Понял?

Тот смиренно кивнул, переводя взгляд с лица пришельца на его одежды, которые приоткрылись под разошедшейся спереди накидкой. Кажется, увиденная разгрузка с несколькими висящими на ней гранатами и прочим металлическим вооружением, карабинами и застегками убедила его больше всего: да, стоящие перед ним люди не из этого мира. Это повергло моло-

дого мужчину в повторный ступор. Он замолчал и, словно ребенка, дал себя усадить на валун, стоящий возле стены. Пришлось несколько раз настоятельно повторить требование:

– Расскажи, кто ты, откуда и какими путями судьбы оказался возле нашего божества, вершины Прозрения.

Но только после пятого или шестого раза отшельник протяжно вдохнул – и затараторил. Кажется, он подумал, что следует все рассказать, словно на предсмертной исповеди. По крайней мере, у землян создалось именно такое мнение. Но так как он говорил очень быстро и почти все по существу, уточняющие или наводящие вопросы Василий решил задать после, дабы не сбить рассказчика с мысли. Потому что за полчаса в коротком и сжатом повествовании старший группы узнал намного больше об их основной цели, чем за все предыдущие дни пребывания в этом мире.

Деймонд Брайбо вырос на южном побережье континента, полностью занятом Успенской империей. Именно вырос, потому что считался круглым сиротой, принятым на воспитание бездетной престарелой парой. Где они подобрали ребенка или в каком приюте выкупили, узнать не удалось, потому что однажды старый рыбацкий дом смыло в море тайфуном вместе с престарелыми родителями. Ну и со всеми личными вещами, а возможно, и свидетельством о рождении. Если, конечно, оно имелось. Юноше тогда исполнилось лишь тринадцать лет, и к тому времени он был приставлен к одной из поселковых общественных изб. У него и оставалась одна судьба: связаться с морем до конца жизни, ибо в таком возрасте юнги рыбацких баркасов и начинали выходить на промысел. Изменило положение знание грамоты, и поселковая акушерка взяла сообразительного малого к себе в санитары. Вот там он и понял свое призвание, утвердился в желании помогать людям и попутно узнал самую мерзкую и печальную тайну своей империи. Знал, конечно, о ней много обывателей. Но как-то не принято было распространяться об этом, обсуждать, да и вообще поминать всуе. А если и проявлял кто-нибудь излишнее любопытство, то такого сразу пытались запугать строгими наущениями:

– На все это воля вершины Прозрения, и лишь император ведает о путях свершения этой воли! А кто посмеет воспротивиться и отторгнуть запреты, достоин смерти и всяческого поругания.

Если и после этого слишком любопытный не успокаивался и продолжал выпытывать да выискивать, им начинали интересоваться жрецы-управители – и неугодный искатель правды пропадал. Впрочем, в половине случаев ему что-нибудь инкриминировали и штатный палач приводил приговор в исполнение.

Деймонду Брайбо выпытывать не пришлось: наблюдательный парень о самом главном догадался без подсказок. Находясь постоянно среди рожениц и помогая акушерке, он заметил одну странную особенность: любой младенец рождался здоровым, крепким и выносливым. И первый месяц развивался довольно быстро. А потом любое дитя, если его не приносили в месячном возрасте в храм, навещал прямо дома жрец и проводил обязательный обряд Очищения. Заключался он в пятиминутном наложении ладони жреца на головку ребенка, а затем эта ладонь с соответствующими заклинаниями опускалась в большой ларец Кюндю. Считалось, что таким образом с ребенка снимается грех рождения, изгоняется дух смерти, выющий гнездо возле сердца, – и будущая личность начинает свое самостоятельное движение по тропе жизни. Но при этом утверждалось, что обряд очень труден для неокрепшего младенца, изгнание духа оставляет в астральном теле громадную рану, поэтому борьба за выживание удесятеряется. Только сильные выживают, ну а слабым... А слабым в награду – лишь легкая смерть.

Ларцы Кюндю вбирали в себя около десяти вредных для здоровья духов, в течение года они накапливались в храме, а потом приходящие специально для этого жреческие караваны меняли их на пустые ларцы. Караваны забирали переполненные Кюндю к вершине Прозрения, и святой монолит уничтожал опасную нечисть. Так утверждали жрецы.

На самом же деле после обряда все младенцы становились болезненными и слабыми, и в итоге выживали лишь действительно самые сильные. Но больше всего поразило Деймонда то, что некоторые матери с неосознанной страстью и рвением пытались оградить свои чада от обряда, словно чувствуя наносимый их ребенку вред. Порой доходило до крайностей: некоторые молодые матери сходили с ума. Что списывалось на необычную силу духа смерти, сумевшего до обряда повредить рассудок недавней роженицы.

Чуть позже до слуха молодого санитаря дошли разговоры о том, что младенцам подобный обряд и не нужен. Мол, во всем остальном мире дети живут и вырастают совершенно здоровыми, а старики доживают до девяноста и даже до ста лет. Но говорили об этом лишь шепотом или в приступе сумасшествия. Так что переспросить у кого-то постороннего Брайбо поостерегся. И правильно сделал. Несколько показательных казней мужчин, недовольных смертями своих детей, научили его держать язык за зубами.

Потом состоялась одна беседа с акушеркой, которая ему к тому времени стала вместо матери. Однажды она пришла с какого-то праздника настолько пьяная, что практически не соображала, о чем говорит. И пока парень ее заботливо укладывал в кровать, пожилая женщина наговорила целый короб кощунственных вещей. Среди которых всплыло утверждение, что самому Деймонду провели обряд только в полуторагодовом возрасте. Потому он и не болел никогда в жизни, что его иммунная система успела окрепнуть. Слово «иммунная» от своей благодетельницы парень слышал уже не раз и прекрасно знал, что оно обозначает. Но именно тогда он впервые заподозрил, что не является урожденным жителем Успенской империи. Ведь порой в открытом океане большие корабли терпели крушение, а некоторые спасшиеся добирались до берега. Так почему бы и ему не оказаться потомком потерпевших кораблекрушение? Иначе просто не могло получиться так, что хоть один ребенок не прошел обряд Очищения. Даже если ребенка прятали сумасшедшие родители, его все равно отыскивали какими-то колдовскими методами. Уж об этом молодой санитар знал не понаслышке. То есть он понял, что вокруг творится что-то неправильное и страшное, но побоялся даже пикнуть об этом или как-то иначе показать свою информированность. Перед ним открывались лишь две дороги: продолжить работать санитаром и впоследствии принять на себя наследственную должность акушера. Или рискнуть – и совершить паломничество к вершине Прозрения. После чего он в лучшем случае становился официальным жрецом, мог вести врачебную деятельность и получал для этого от монолита уникальные возможности лечить других людей. В нейтральном варианте, если путь магирика завершался безрезультатно, он возвращался в поселок и занимался своей прежней деятельностью. Но существовал еще и третий вариант паломничества, при котором огромная черная гора уничтожала кандидата, жаждущего сана жреца, сжигая и разрывая его жуткими молниями. По известной всем статистике, в недрах вершины Прозрения погибал каждый десятый магирик. Существенное ограничение, достаточное, чтобы в самое святое место не устремились все желающие без исключения. Причем пропорции гибели получались одинаковыми как среди мужчин, так и среди женщин. Здесь царило полное равноправие полов. Пожалуй, лишь в клан Отшельников женщинам вход был запрещен не только официально, но и на житейском уровне. Содержать огонь и принимать гостей на ночевку женщинам было бы невмоготу.

Из-за этих молний молодой Деймонд Брайбо стать магириком не рискнул. И все, казалось, так и останется, если бы он не влюбился в одну прекрасную девушку по имени Пьяца. Та ему ответила взаимностью, но тут неожиданно вмешалась третья сторона. На красавицу положил глаз жрец Бурулкан, заведующий и храмом, и всей врачебной системой поселка с населением около пяти тысяч человек. Можно сказать, первое лицо всего поселения. Он был в пожилом возрасте, славился своим распутством и профессиональной непригодностью. Как «главный врач», он, вместо того чтобы лечить своих подопечных, с оголтелым цинизмом помогал им умереть. Потому что весь свой дар использовал на пьянки, забавы и разврат.

К Пьяце он подвалил с самыми серьезными намерениями, а когда та ответила отказом и объявила о своей помолвке с Деймондом, возненавидел соперника и чуть ли не при всех поклялся его уничтожить. Реальная и страшная угроза. Тем более что штатный палач, он же начальник полиции, следователь, прокурор, обвинитель поселка, а также его подручные подчинялись только жрецу. Искать справедливости или отыскать управу на Бурулкана считалось бессмысленным делом. Оставался один-единственный выход: пройти путь магирика и самому стать жрецом. И парень решился! Уговорив девушку временно пожить в другом месте, он без долгих сборов отправился с ней в дальний путь. Правда, Пьяца побоялась идти к вершине Прозрения и испытывать судьбу, тем более что подсознательно испытывала отвращение вообще к жречеству – после наглых притязаний Бурулкана. Поэтому она осталась в небольшом городке, чуть в стороне от пути, у своей родственницы.

Увы, жрец поселка не простил такого оскорбления. Наверняка возвел напраслину на честного парня и послал следом палача с подручными. Понятно, чтобы не только казнить соперника, но и отобрать у того строптивую девчонку. От палача Деймонду удалось оторваться и достичь цели паломничества на пару дней раньше. Но, увы, его тело не прошло испытаний, дара в нем не обнаружили. Невероятно растерянный, он уже возвращался обратно по тракту и подумывал, где бы еще месячишко пересидеть в ином месте, пока без риска можно будет вернуться за Пьяцой. Вот в этих тяжких раздумьях его и окликнул древний старец, стоящий на обочине тракта. А чуть позже сама идея спрятаться именно здесь, а потом еще и на какое-то время поселить в дальних закутках свою любимую девушку, вызванную сюда кем-нибудь из возвращающихся магириков, показалась парню здоровой. И он согласился.

А вот сегодня его все-таки нашли. Затем стали убивать, нарвавшись на проклятие. И произошло чудо: черный монолит прислал воинов из другого мира для торжества высшей справедливости. Сомневаться в увиденном, а уж тем более в собственном спасении не приходилось. Как и отрицать вкуснейшие запахи, несущиеся со стороны готовящейся в котле похлебки. От мясного аромата отшельник уже исходил слюной к концу рассказа, поэтому громко сглотнул и не сдержал своей досады, когда гость, так и не пригласив хозяина к накрытому столу, предложил:

– У нас еще есть немного времени, поэтому расскажи мне каждый свой шаг на подходах и во внутренностях нашего великого божества.

Досада выразилась в следующем:

– Но ведь время ужина уже давно наступило!

Пришлось Василию повысить голос:

– Для нас любое действие предопределяет наше божество! И мы не обращаем ни малейшего внимания на копошенье и желания простых смертных! Мы выше всех вас!

Деймонд около минуты после этого кивал с вытаращенными глазами, но когда начал говорить, то и словом не заикнулся о теме предыдущего вопроса:

– Так вы, значит, бессмертные?

– Порой да, порой нет, – расплывчато ответил старший группы. – Это все зависит от нашего владыки.

– Тогда почему ваш владыка не вылечит эту госпожу? – Он пальцем указал на копошащуюся у котла Сильву, на лице которой все больше и больше нарастали гноящиеся белые фурункулы. – Подобное некоторые наши жрецы лечат, я знаю.

Василий внутренне вздохнул, дивясь излишней любознательности и сообразительности дикаря, и решил запугать его еще больше:

– Еще недавно наша подруга была одной из первых красавиц мира Чернеющих Монолитов. – (Не говорить же, что они прибыли с какой-то там Земли?) – Но на последнем задании она проявила ненужную жалость, пытаясь сохранить жизнь парочке каких-то молодых жрецов. Они слезно ее умоляли, и она дрогнула... Потом она их посекала своим ножом на гуляш,

но задержка в исполнении была зафиксирована. Вот за это и наказана, а мы, даже при желании и возможности, не имеем права ей помочь.

Кажется, отшельника проняло в очередной раз. Мало того, еще и Сильва решила подыграть старшему группы со всем цинизмом. Приблизилась к хозяину пещеры, убийственным взглядом его осмотрела и констатировала:

– Ну, этого-то я жалеть не стану. А если прикажешь, о великий, – после этого восклицания закатила глаза к своду, – то и сырым съем!

Василий вскочил на ноги и стал отталкивать подругу обратно к котлу:

– Только без великого волеизъявления не надо, ладно? Ну я тебя очень прошу! Или хочешь в наказание вообще без головы остаться?

– Нет, не хочу... – Женщина в задумчивости двинулась к столу. – Потом слишком неудобно пишу прямо в шею заталкивать. Да и ложка в пищевод падает.

Старший группы уважительно фыркнул на подругу, затем повернулся к отшельнику и виновато развел руками:

– Да нет, ее непосредственно так не наказывали. А вот был у нас один в отряде, так тот и в самом деле крупно провинился. И действительно ложку в пищевод уронил. Пришлось минут пять его за ноги трясти, пока все из желудка не вывалилось.

От представленной картины Деймонд содрогнулся всем телом. Хотя, как начинающий врач, наверняка понимал, что такое невозможно в принципе. Но как человек, живущий в мире чудес и верящий в колдовство, стал опять белым как мел и даже покачнулся. Словно вот-вот свалится без сознания.

Пришлось Василию несколько разрядить обстановку громким восклицанием:

– Все, на сегодня чудеса кончились!

А затем демонстративно хлопнул в ладоши. Лучше бы он этого не делал! Потому что в итоге получилось слишком уж впечатляюще. Сразу вслед за его хлопком послышалось солидное, почти валяющее с ног громохание и что-то огромное рухнуло рядом с ним на камни. Причем в странном столбе пыли и белого мела. И пока это все оседало, из облака вырвался затихающий стон.

«Третья» в полном составе уже стояла по углам пещеры, ошетилившись оружием и готовясь отразить любую атаку. Но постепенно и у них глаза стали напоминать блюдца: возле накрытого к ужину стола стояла тяжеленная медицинская кровать для тяжелораненых со всеми сопутствующими приамбасами. Отсутствовала только подставка с капельницей. Тогда как сама игла с коротким отрезком трубки оставалась в вене лежащего на кровати человека, и по этой трубочке на припыленные камни стекала струйка густой крови. Сам человек был обмотан чуть ли не полностью бинтами, но лицо оставалось открытым, и первой его лучше всех рассмотрела Сильва. Никто из ее товарищей и не подозревал, что в простых русских словах так много шипящих, угрожающих звуков:

– Я обещала сожрать его печень! И этот час, кажется, настал!

Глава 5

Больное место

Через несколько часов в бильярдную заскочил коллега по конторе, который числился в аналитическом отделе, но считался непревзойденным мастером допроса. Особенно в плане применения психотропных средств. С собой он принес небольшой дипломат и, водрузив его на стул, обратился к восседающему на диване Королюхову:

– Привет! Меня Казимир Теодорович к тебе в помощь послал. И дал задание спросить, ты случайно не приболел? Говорит, совсем у мужика активность пропала.

– Даже когда я сплю, моя активность достаточна для твоей смерти, – с угрозой процедил Борис, меняя положение тела. – Или ты сомневаешься?

– Слышь. – Коллега Королюхова недолюбливал, как, пожалуй, и все остальные в конторе. – Ты мне и ветром не свалился, меня начальство послало – вот я и прибыл. Или к Павлу Павловичу свои закидоны отправляй, или работай как положено! Что с ней?

Не дожидаясь ответа, бесцеремонно подошел к бессознательному телу девушки и вполне профессионально закатил веко. Посветил на зрачок фонариком, неопределенно хмыкнул. Затем достал стетоскоп и стал внимательно прослушивать грудную клетку. После чего перешел к тщательному осмотру шеи и синюшного кровоподтека на лбу. Сделав свои выводы, все так же в полном молчании стал ощупывать ноги и руки жертвы. И только разглядев точечные ожоги в самых болезненных местах, с нескрываемым ехидством спросил:

– И что, помогло?

– Частично, – признался Борис. – Потому что убедился: не притворяется.

– Действительно вырубилась девочка. Поэтому предлагаю вколоть ей вначале дозу бодрости, а потом дурмящее средство. Будет в ответ лепетать все, что потребуешь.

– Нет, меня такая обкуренная не устраивает. – Садист достал очередную сигарету и, выпуская дым после первой затяжки, мечтательно прошептал: – Хочу, чтобы она почувствовала все! Каждый сладостный момент моей мести. Каждое мое слово и каждое движение. Кстати, как у нее с сердцем?

– Работает, как новенький дизель.

– Мне тоже так показалось.

– Почему же она без сознания?

Прежде чем ответить, Королюхов приблизился к Александре и ткнул ей под нос баночку с отвратно пахнущим средством. Убедившись в отсутствии какой-либо реакции, Борис посмотрел на часы, засекая время:

– Ну да, еще рано... Ты помнишь о ее способности падать в обморок при виде любого трупа?

– Ну?

– Вот те и «ну»! Эта сучка решила этой своей фобией воспользоваться. Наверняка воображает себе что-то – и отключается. Но ты ведь и сам подтвердишь, что долго этот фокус не пройдет и с каждым разом она будет «выпадать» на более короткое время. Согласен?

– Возразить нечего, верно рассуждаешь.

– Значит, все равно за сутки добыю ее.

– Такая может и трое суток тебя за нос водить, – ухмыльнулся аналитик. – Но меня ведь помочь тебе послали...

– Это я понял. И прошу, не обращай внимания на мои слова, – по-приятельски попросил Борис, опять возвращаясь на диван. – Я тут настолько взбешен, что сам себе готов кожу сдирать. Срываюсь...

– Ладно, принято. – Коллега открыл чемоданчик, переставил его на бильярдный стол и выложил на простыню возле бортика десяток шприц-тюбиков. – Как только очнется, вкалывай куда угодно. Это усилит ее бешенство и вызовет максимальное сексуальное возбуждение. И так делай каждый раз, когда она приходит в себя. Думаю, через три, максимум через пять раз она эту свою фобию использовать не сумеет. Тогда сделаешь ей вот этот укол. Но не весь объем, только половину.

– Что это даст?

– Обалденный всплеск гормональной активности. Она будет сходить с ума от ужаса, но в то же время умирать от почти постоянного оргазма.

– А крышу ей при этом не снесет?

– Не переживай. Меня шеф тоже предупредил о сохранности Шурки для кого-то там еще. Половинка этого укола – сутки твоего удовольствия. Вторая половина – еще одни сутки. Если все-таки вырубится, опять чуток подожди – и вколи маленький тюбик. Действо пойдет по второму кругу.

– Ну спасибо, дружище, с меня лучшая выпивка и мое плечо в трудную минуту!

Они уже стали прощаться, как прибежал один из охранников и крикнул:

– Королюхов! К Павлу Павловичу!

Тот сразу было дернулся бежать, но растерянно замер и заискивающе попросил аналитика:

– Ты тут пока за ней присмотри и вколи чего-нибудь для согрева. А?

– Да нет проблем. Начну подготовку.

– Спасибо! – И несуразный из-за своей полноты агент пулей умчался к начальству.

Оставшийся на месте охранник подмигнул специалисту по допросам:

– Ну что, побалуемся с малышкой? Я уже давно на нее заглядываюсь.

– Если жить надоело, балуйся. Ничего не имею против. Но меня не подмазывай.

Охранник удивленно нахмурил брови и ткнул пальцем в тюбик, который как раз впился иглой девушке в бедро:

– А ты сам-то что делаешь?

– Ха! Так это моя работа! – Аналитик скрупулезно выдавил все средство и с философским вздохом добавил: – И ничего личного! Просто если Шурка сумеет как-то выкрутиться, то уж тебя за обиду точно кокнет. А Королюха – с тройной гарантией. Тогда как меня за мою работу она и пальцем не тронет. Вот так-то, парень!

Шеф конторы сидел в отдельной комнате с окаменевшим лицом. Но, судя по тембру голоса, еле сдерживал рвущееся бешенство.

– Борис! Неприятности продолжаются: полиция объявила розыск Светозарова сразу по нескольким причинам. Его опознали свидетели как основную цель при стрельбе на площади, и нарастает паника с детьми. Поднят на ноги Интерпол. Роят во всех направлениях и опрашивают всех соседей Торговца. Так что немедленно мчись в особняк миллионера Бонке и сыграй свою роль до конца. Пусть хоть с тебя снимут все подозрения, потому что если и ты вдруг пропадешь, то и с этой стороны нам собаки на хвост насядут. Мало того, сейчас руководство, – Павел Павлович многозначительно посмотрел на потолок, – решает еще один вопрос. Вполне возможно, что Дмитрий Светозаров остался жив даже с десятком пуль в теле. Хотя кровянищи из него брызнуло предостаточно. Да и кинжал с уникальным ядом, от которого гарантированно умирают через полчаса, должен сказать свое слово. Но если вдруг Динозавр надумает вернуться на Землю, то обязательно затеет игру с отмщением. Как по поводу его сестры Елены, так и по поводу нашей нимфетки. Поэтому вполне может навеститься в первую очередь к тому, кто с ним хоть в мало-мальски приятельских отношениях. Ты на эту роль вполне под-

ходишь, да и вне подозрений остаешься. К Шурке ни словом, ни полусловом не примазан. А значит, у тебя еще есть шанс недельку, а то и месяц побыть миллионером.

– Да я не против, – вырвалось у агента Королюхова.

– Ты-то, может, и не против, – зарычал шеф так грозно, что у него вздулись жилы на лбу. –

Но против я! И я поставил категорическое условие по твоей легенде: ты становишься обанкротившимся миллионером. Наши финансисты постараются все устроить по высшему разряду.

– Как скажете, шеф! – бодро ответил агент, хотя внутри у него заворачивалась огромная черная глыба озлобленности. Да и про Александру он вспомнил, уже пятясь к двери. Указал пальцем на пол: – Ну а как с ней?

– Остается под твоим полным контролем. Трое суток я тебе обещаю. Раньше из-за этого шума мы ее отправить все равно не сможем. Отдал бы тебе ее сразу в подвал особняка Бонке, но там сейчас каждый сантиметр просматривается в округе. Так что ночуй здесь. Про свои удобства тоже сам подумай...

– Понял! После переговоров с полицией могу сразу возвращаться?

– Да, дашь им номер своего мобильного, и они наверняка сразу отстанут. Если ты появишься, толку им от тебя мало.

– Тогда я помчался!

– Агент уже хотел было повернуться, как Павел Павлович опять заговорил голосом, полным металла и угрозы:

– Королюхов! Хочу тебя кое о чем предупредить персонально. Ты видишь, что случилось с Шуркой?

– Да... Но к чему это вы?

– Да к тому, что теперь внимание к каждому сотруднику конторы утроено. Причем не только с моей стороны, но и с тех сторон, о которых даже я не догадываюсь. Так что учитывай: любой твой промах отразится и на всей конторе, и на моей безупречной биографии. А я уже никак не смогу исправить ситуацию. Так что учитывай и старайся.

– Учту! – торжественно пообещал Борис и поспешил на выход. Хотя мысленно при этом уже прокручивал тысячи вариантов грядущей мести:

«Ох, как я вам все учту! Так учту, мало не покажется! А уж кто за мной следит и кто непосредственно эту слежку ко мне приставил, я легко разберусь без всяких консультаций. И если судьба ко мне благоволит, то я доберусь до самой верхушки и выйду на контакт с кем следует. Что из этого получится? – Уже садясь в шикарный лимузин и преображаясь в богатого миллионера Бонке, агент внутренне расхохотался: – Получится, что Пыл Пылыч, как его любила обзывать недавняя любимица Шурка-шкурка, окажется не у дел. А то и вообще пойдет на корм ракам. Слишком много у меня на него компромата собралось, с таким грузом и более страшные зубры тонут в кастрюльке с водой... Ха-ха-ха!»

Глава 6

Реалии монолита

Какими бы кроважадными ни казались слова Сильвы по поводу ее желания сожрать печень узнанного ею человека, но именно она первой бросилась к кровати. Ловко выдернула иглу и остановила убегающую кровь, пережав вену внутренней стороной свисающей простыни. И только потом, словно оправдываясь, буркнула приближающемуся к ней Василию:

– Не люблю обескровленное мясо...

Когда вся «третья» обступила кровать, старший группы так и продолжил на русском языке:

– Так кто же его любит... Только я вот не понял, кто это Торговца к нам забросил? За какие такие грехи? И что это может значить?

Курт отозвался первым:

– Намек понятен: кого-то в этом мире достали наши агрессивные действия, он выловил инициатора и зашвырнул к нам. Мол, всем вам... этот, как его там по-вашему? А, гаплык!

– Слышь, Курт, а сколько ты вообще иностранных языков знаешь? – Дана с осторожностью наклонилась над лицом лежащего без сознания Дмитрия. И вдруг стала более решительной: – Да он еле дышит от пыли в носу! Ну-ка, Петр, тащи воду! Сильва! Давай его чуть повернем набок и обмоем. Василий, подай то полотенце, что на спинке в ногах. Так, отлично. Поливай... Да не на него лей, а на полотенце! Еще! Теперь чуть повернем в другую сторону...

Лицо раненого освежили и прочистили ноздри, очень тщательно осмотрели кровать, приподняли головную часть для лучшего тока крови, а потом и вообще переставили четырех-ногое, с колесиками сооружение на более ровное место. Дана продолжала ощупывать, оглаживать раненого, тогда как Курт разнервничался больше всех.

– Что же это получается? Куда мы премся и что делаем? А? Люди добрые, ну чего как в рот воды набрали? Или как там по-русски: охренели? А может...

– Полиглот! – резко оборвала его Сильва. – Помолчи! Утомил уже...

Все скрестили требовательные взгляды на Василии. Тот вздохнул, пожал плечами и неожиданно предложил:

– Давайте ужинать! Эй, Деймонд, – окликнул он на ашбунском обездвиженного от удивления отшельника. – Подсаживайся к столу! Наше божество разрешило трапезничать.

Еще во время варки похлебки все снимали с себя теплые накидки в виде плащей, утеплительные обвязки и некоторые наиболее неудобные части амуниции. Теперь же сбросили и разгрузки, уложив их рядом с собой на каменные скамейки, благо, места вокруг внутреннего стола хватало с избытком. А потом еще пришлось слегка почистить накрытый стол от осевшего на него после появления кровати с раненым слоя пыли. Пока все рассаживались, Дана привела хозяина пещеры практически под руку, усадила как ребенка, но после того, как ему налили в глиняную миску наваристой похлебки и чуть ли не ткнули в нее носом, он открыл рот и попытался вывернуть шею в сторону кровати:

– Кто это?

И такой мистический ужас слышался в его тоне, что Сильва не выдержала, остановила жестом пытавшегося ответить Василия и с нажимом заговорила сама:

– Как ты смеешь спрашивать о том, что даже нам пока неизвестно? Когда настанет время – получим нужные знания. Будут указания на твой счет – поделимся с тобой. Будут другие указания... хм, перестанем тебя защищать.

Но даже такая угроза не сразу подействовала должным образом. Ведь одно дело, когда гости неизвестно откуда с неведомым оружием заявили в пещеру все-таки через нормальный

вход, пусть и застопоренный перед этим, и совсем иное, когда вдруг невесть что и кто выпадает прямо из пустоты. Такое громоздкое чудо следовало хоть как-то уложить в голове среди урагана противоречий. Поэтому только минуты через три отшельник пришел к каким-то своим внутренним выводам и приступил к поздней трапезе.

Личный состав «третьей» вообще не отвлекался поначалу на праздные размышления – от вкусной и здоровой пищи. Тем более что бойцы очень соскучились по таким горячим, можно сказать, изысканным блюдам. Каждый из пятерых взял себе добавку, среди которой торчал кусище нежного мяса, и только к окончанию трапезы все принялись облегченно вздыхать, растягивать воротники и перешли к разговорам. Опять-таки, на языке, непонятном для ашбуна.

Заметив, что Дана и Петруха уже почти наелись, первый вопрос старший группы адресовал именно к ним:

– Что там подранки интересного напели?

Черноглазая красавица как раз смаковала кусочек местного сыра, слегка размягченный в горячем бульоне, поэтому первым стал отвечать самый молодой воин:

– Они искали нашего отшельника уже давно, проследили путь сюда, но вначале ждали его у выхода с гор. Не хотелось им даже выходить на тракт Магириков. Уже и подумывали, что Деймонд прошел испытание и стал жрецом, а следовательно, придется возвращаться в поселок с плохими новостями. Но тут один из магириков подсказал им поискать беглеца среди отшельников. Вот так они и вышли на след. Действуя по приказу палача, оба его подручных, считающиеся в поселке представителями народной милиции, собирались убить своего земляка, а перед смертью просто вырвать подтверждение догадок по поводу девушки. Когда я бросился сюда на шум прибытия Торговца, мой подопечный уже почти умер, рана в плечо оказалась смертельной. – Воин что-то вспомнил и хмыкнул: – Так что сейчас в Успенской империи стало на одного мента меньше.

Затем Петр чуток подумал – и добавил несколько деталей про обычаи, быт и мнение допрашиваемого непосредственно о вершине Прозрения. Все они сводились уже к тому, что и так пересказал чуть раньше отшельник.

Ничего нового к общему объему информации не добавил и отчет Даны. Разве что уверенность, что по следам палача и его подручных милиционеров, или, как она сказала, «дружинников», никто не идет, о цели их последних маршрутов ничего не известно и неожиданных мстителей или карателей можно было не опасаться. Ставленник жреца Бурулкана действовал в своих поисках полностью самостоятельно и ни перед кем пока не отчитался.

Раненный в обе ноги милиционер-дружинник вроде должен выжить, но про сохранение его жизни женщина высказалась отрицательно:

– Отребье! Да еще и мешаться стал бы под ногами: корми его, пои... Короче, помер.

Поэтому Василий, оглянувшись и присмотревшись вначале к кровати, стал подводить итоги:

– Дело не просто усложняется, а, скорее всего, меняется. Теперь мы к черному монолиту не пойдем, а останемся здесь до тех пор, пока Торговец не придет в себя. Ему придется повторить и уточнить свое прежнее задание, но самое главное – это доказать нам свои прежние возможности в помощи и содействии. Если окажется, что он не способен оставаться в роли нашего работодателя, иначе говоря «божества», или он вдруг умрет от ран, то мы сразу уходим обратно к перешейку. Прорываемся на другой континент и начинаем новую жизнь. Потому что уж тогда точно нас никто и никогда не вернет на Землю.

– Никто туда и не спешит, – буркнула Сильва.

– Особенно когда в теле столько чипов понапихано, – добавила Дана.

– Я так понял, возражений нет? – Василий посмотрел на молчащих Курта и Петра.

– Возражения, может, и есть. – Немец ожесточенно почесал макушку. – Потому как есть у меня парочка очень кровных долгов на матушке-Земле...

– О-о-о! – затянул самый молодой воин. – Чего захотел! Если уж у меня их много, то я себе представляю, сколько там тебе козлов встретилось. Мне кажется, Васек прав: на новом месте – новая жизнь. Думаю, это лучшее решение.

– Значит, решили. – При этом старший группы несколько раздраженно глянул на товарища: – И сколько раз тебе говорить, я тебе не Васек! Понял?

– Конечно, дядя Вася! – покладисто согласился парень. – Только и ты тогда ко мне с уважением обращайся, особенно за столом. Петр Романович – звучит солидно. А?

– Напрашиваешься, Гетр Гоблиманович? – передразнил Василий. – Может, тебя еще и с ложечки покормить?

Оба были сыты, и подобная перебранка могла продолжаться до бесконечности. Зато Сильва мечтала как можно скорее завалиться и выспаться в тепле и относительной безопасности, поэтому вмешалась несколько резковато:

– Вы напоминаете персонажей известных анекдотов про Петьку и Василия Ивановича. Такие же и хитрожопые, и бестолковые одновременно. Только отчества переправить осталось.

– Точно! – оживился Петруха. – Только Данки-пулеметчицы и не хватает. Дана, пойдешь к нам в анекдот жить?

– Никуда я не пойду, я сейчас усну! – пригрозила Дана, сердито оглядывая мужчин своими черными глазами. – Кто первый дежурит и что потом?

– А что там в подсобках?

– Сразу девять комнат разных размеров. В одной родничок, утекает в отнорок с тупичком. Там устроен санузел. Воды хватает, можно будет нагреть и завтра помыться наконец-то. Почти везде отводы местного газа, причем не только для освещения, но и для обогрева. Баракла полно всякого, но, скорее всего, ни на что не пригодного.

– Однако! И это вроде не самая лучшая пещера? Солидно они тут живут. – Василий взглянул на медленно пережевывающего мясо отшельника. – Ладно, сейчас ложимся спать все одновременно. Курт – возле той стены, у стопора, но вначале поставишь сигнальное дополнение к «звонку» снаружи. Я – возле стола. Остальные – кто где хочет.

Сильва, не глядя на хозяина пещеры, высказала здравое подозрение:

– А его как изолировать? Вдруг он нас сонными порежет?

– Вроде как не должен проявить подобную благодарность, да и резать нас – дело вредное для собственного здоровья. А по поводу перестраховки... Сейчас что-нибудь придумаем. Но учтите, через шесть часов подъем, усиленный завтрак, и перед самым рассветом вы трое, – он указал пальцем на Петра, Сильву и Курта, – хватаете на себя по одному труп и тащите их в горы. Где сбросить бесследно, сами отыщите. А потом вернетесь к тем гигантским скалам, возле которых мы вчера утром проходили. Постарайтесь аккуратно подстрелить парочку местных архаров. И чтобы они вниз к вам упали. А как стемнеет – вернетесь с мясом.

Все только кивнули в знак полного одобрения плана. В пещере нашлась целая куча сухофруктов, хватало круп, зерна и даже муки для лепешек, но для более длительного проживания такого количества прожорливых ртов этого запаса не хватит. Даже на несколько дней. Поэтому запастись мясом в самом деле выглядело наилучшим выходом из положения. Они еще вчера заметили перед приближением к тракту небольшие группы местных горных козлов, весьма напоминающих земных архаров. Козлы гордо возвышались в местах, совершенно недоступных для местных охотников, да и не было никого из оных вдоль тракта, где запрещалось находиться с металлическим оружием. Но «третьей» не составит труда подстрелить дичь с дальней дистанции. Тем самым обогащая свой рацион необходимым протеином, жиром и прочими полезными веществами.

Коротко обсудили проблему доверия продолжающему «тормозить» отшельнику и в итоге разрешили тому почивать в отдельной келье. Присматривать за ним следовало Дана, которой дали место рядом, прямо в проходе, и пообещали дать отоспаться в дневное время. Почти

каждый заглянул в хозяйскую келью, довольно просторную для такого определения. Там обнаружилась самая большая куча вполне целых одеял. Причем встречались одеяла невероятно высокого качества, шерстяные, да еще и с красивой отделкой.

– Откуда столько? – поразились земляне.

– Каждый магик, идущий обратно от монолита, – Деймонд отвечал с готовностью, но не пытаясь скрыть валящую его с ног усталость, – просто обязан захватить хоть часть одежды или багажа тех, кого монолит убил своими молниями. И под страхом священной кары оставить эту ношу в любой пещере с отшельником. Вот за века и скапливается...

– Ага! Значит, когда отшельник заканчивает святое служение, он может забрать все эти вещи с собой?

– Конечно. Для этого он заказывает со стороны ворот пару повозок, а то и десяток, и с нажитым добром отправляется, куда ему вздумается. Или, в случае особой святости, раздает накопленное добро тем, кто в этом нуждается по пути к монолиту.

Теперь стали понятны мифы о сказочном богатстве каждого, кто покидал свою каменную обитель возле тракта Магириков. Мало того, при первом же взгляде на расположение выдолбленной в скале анфилады пещер, вентиляционные отверстия в сводах, подводку воды, газа почти в каждое помещение и явное наличие канализации земляне дружно пришли к выводу: сооружения иначе как рукотворными не назовешь. Так что приходилось признать: варварством здесь и не пахло.

Общую настороженность и подозрительность увеличила раздражительная Сильва:

– Только видеокamera внутреннего наблюдения не хватает!

Уже устраиваясь удобнее на одеялах, Дана поинтересовалась у Деймонда Брайбо:

– Получается, что первая линия пещер вообще завалена вещами?

– Конечно. Хотя наш перевал считается бедным, потому что он четвертый, самый дальний от монолита. Зато у нас больше всего съестных припасов, которые отдают слишком запасливые паломники, добредшие до ночлежного места.

– Почему же тогда ты и твои коллеги красуетесь в таком рванье?

– Традиция... – пробормотал отшельник, уже завалившийся на свое ложе и закрывающий глаза.

Понимал ли он, что ему не доверяют, или считал это само собой разумеющимся, но вскоре он походил на спящего и полностью отстранившегося от всех волнений. А полыхающая из стены его спальни струя пламени освещала несколько помятое, но вполне спокойное лицо мужчины, который наконец-то узрел окончательный смысл своей жизни.

Дана еще поворочалась полчаса, борясь со сном, потом переместилась в полную тень и установила рядом с собой один из приборов, который им когда-то подбросил Торговец. В жаргоне они называли этот прибор «моргашка», и он своим не слишком широким лучом улавливал любое движение объекта величиной больше крысы. То есть направленный на проем кельи сенсор в случае попытки Деймонда выйти сразу замкнет цепь, и звуковая настройка противно пискнет, вырывая охранника из настороженного сна. Этого вполне достаточно для такого великолепного воина, как Дана.

В головной пещере Василий и Курт расположились с меньшими предосторожностями. По их мнению, вполне хватило парочки наружных средств раннего оповещения, если вдруг еще какие-то незваные гости решат заявиться с неурочным визитом. А старший группы установил свои часы на сигнал будки через пять часов. Посидел некоторое время на своем ложе, прислушиваясь к храпу Петра и шелесту ветра в щелях у входа, и только потом расслабился.

Но проснулся он не по сигналу своих часов, за четверть часа до обозначенного подъема. Тяжелый, хоть и не громкий стон вырвал его из сна. Стон продолжался почти непрерывно. Немец тоже приподнялся, и они в две пары глаз теперь смотрели на шевелящегося Торговца.

Тот явно неосознанно правой, незабинтованной рукой царапал слой бинтов у себя на груди, словно мучился от недостатка воздуха.

Василий вскочил на ноги, приближаясь к кровати и давая отмашку Курту:

– Тебе еще больше часа спать, дрыхни! Я сам присмотрю.

Повторять подобную команду дважды не пришлось: Курт сразу откинулся на одеяла, повернулся с облегченным вздохом к стене и тихонечко засопел. Усталость последних дней сказывалась и на этом веселом, неунывающем парне. Тогда как старший группы стал сообщать, чем помочь раненому. Среди них наибольшими познаниями в медицине обладала Дана, но и без ее вмешательства становилось понятным, что у так неожиданно здесь оказавшегося Дмитрия Светозарова нечто вроде кризиса. Скорее всего, неведомые ранения вызвали такие сильные болевые ощущения, что начались бредовые галлюцинации. Температура оказалась не смертельной, всего тридцать восемь и пять, так что опытный воин и сам понял, что надо сделать для снятия кризиса. Благо, наличие уникальных аптек считалось обязательным для каждого члена группы. Как и умение с такой аптечкой обращаться.

Вначале прижать руку, снижая риск нарушения повязки. Затем – первый укол общего обезболивания. Следом второй – успокоительный. Чуть позже – попытка напоить бесчувственное тело слегка подогретой водой. Не получилось. Ведь недаром в тело раненого вводили питательные вещества через капельницу.

И, глядя на затихающего раненого, Василий подумал: «Стоит ли тратить на него уколы, невероятно ценные в этом мире? А вдруг как раз этих лекарств и не хватит в будущем для спасения боевой подруги или товарища? Если Динозавр умрет, то я точно пожалею о своей щедрости. А вот если его это спасло, не пожалею ли я еще больше? Ведь все, что с нами сейчас происходит, его непосредственная вина. Или заслуга? Ведь он так больше с нами после того первого раза и не общался подробно. Только сбросы у нас на пути да инструкции в письменном виде. Боялся, видимо, и вполне справедливо, парочки пуль от нас вместо приветствия! А что там, на Земле, за это время произошло? Ничего не знаем... Но мне и без бесед с Пыл Пылычем понятно: докажи «третья» явное наличие иных миров, всю контору, скорее всего, «почистили» бы. Подобные великие тайны не для простых смертных. И шефа бы кокнули. А уж по нашим чипам нас бы отыскиали и на Джомолунгме. Так что, может, оказаться здесь – истинное счастье? Да и пора уже остановиться, оглянуться на пройденную жизнь и подумать о будущем. Как бы я ни ненавидел женщин, а семью создать все равно хочется. Может, это и есть мой уникальный шанс остепениться? Сколько можно действовать, словно робот, убивая и пытая людей, даже не зная порой, чем они провинились перед остальными?..» В свои тридцать четыре года Василий много чего посмотрел. Прошел и испытал такое, чего и злейшему врагу бы не пожелал. Стал крайним циником и безжалостным убийцей, который ради пополнения счета недогнувшей рукой мог резать или разорвать на куски любого. Хотя начинал он свою работу в спецназе наивным и патриотически настроенным юношей. Сколько времени утекло с тех пор?.. Сколько трупов и кровавых разборок осталось за плечами?.. Куда делась детская наивность и вера в высшую справедливость?.. А вот ведь, оказывается, осталось в душе нечто светлое, нечто мечтательно-восторженное, что сейчас сдерживает его руку от вроде бы справедливой мести. Стоит лишь придавить на шею Светозарова вот эту слегка пульсирующую жилку – и все их проблемы с черным монолитом закончены. А все остальные движения давно predetermined: прорываться на иной материк. Товарищи с этим согласны. С их оружием и уникальными техническими приспособлениями «третья» пройдет сквозь любые скопления местных варваров, как нож сквозь масло. А на другом континенте совсем иная, можно сказать, приличная жизнь. Об этом нетрудно было догадаться даже по той скудной информации, которую они вырывали у захваченных во время рейда пленников. Ашбуны ненавидели жителей других континентов, утверждали, что в иных государствах живет нечисть и духи смерти. Почти все там – вурдалаки, пьющие кровь младенцев, и потому подлежат священному, поголовному

уничтожению. Но только по одной карте создавалось обратное впечатление: вся Успенская империя была закрашена могильным серым цветом. Тогда как остальные государства и еще более огромная империя на востоке – самыми яркими и притягательными красками. Да и Торговец четко обещал в награду титулы и безбедное существование до глубокой старости.

«Торговец... Что же он собой представляет? – застрял в тяжелых размышлениях опытный ветеран кровавых побоищ, так и замерев над кроватью. – Насколько я помню по его делу, вполне нормальный, порядочный и честный человек. Вон он даже состоял большой шишкой в европейском совете попечителей. Заботился о сиротах и трудных детях. Вливал туда свои подпольно заработанные капиталы. Значит, по всей логике справедливости, он не может быть всемирным негодяем. Или заочно приговоренным к смерти тираном. А то, что имеет человек возможность проникать в иной мир, а если судить по кое-каким предметам, то и во множество миров, так это, в принципе, ненаказуемо. Да и по большому счету такой подарок, как знание о иных цивилизациях и проходах к ним, преподносить на Земле тоже нельзя. Подавляющее большинство правителей – оголтелые преступники, которых и следует уничтожать без малейшей жалости или сомнения. Идем дальше... С кем он заставил бороться нас? Судя по всему, с самыми плохими и вредными обитателями этого мира. Потому что лишь этот несчастный Деймонд Брайбо и оказался единственным нормальным человеком из попавшихся нам в Успенской империи. И вполне понятно, что именно в этом горном образовании и сосредоточено некое всемирное зло. Вопрос лишь в том, почему сам Торговец не взорвал этот монолит. Неужели не может? Или не хочет? Тут лишь он, и только он, может дать правильный ответ. Опять-таки, если захочет. Ибо, будучи в сознании, он наверняка переместится куда пожелает и вряд ли станет с нами разговаривать. Или станет? Хм! Дилемма! Но так или иначе, придется подождать... Ох! Время-то бежит!»

С этими мысленными причитаниями он бросился заниматься хозяйственными делами. Следовало первым делом приготовить для уходящих в горы товарищей обильный горячий завтрак, да и на обед им что-то сообразить. Как ни жесток бывал порой Василий в приказах и в наведении боевой дисциплины, при возможности он закармливал любого из группы обильной пищей и баловал дополнительным отдыхом. Так что вскоре в котле уже доходила наваристая каша на вчерашней похлебке, а в другом глиняном котелке, который он все-таки рискнул поставить рядом с огнем камина, варились остатки медвежьего мяса. Все равно жадничать не стоит, с учетом доставки к ночи новой партии свежего мяса. А пока пища готовилась, кашевар достал кусок медвежьей шкуры и соскоблил с внутренней стороны добрых две горсти перекрученного с жилками жира. Уложил жирок в миску и поставил в самое теплое место возле огня. Следя, чтобы сало не стало жариться.

Уже собрался идти будить Дану и Сильву, когда заворочался Курт и недовольным голосом, с умильным сонным акцентом простонал:

– Ты, наверное, издеваешься специально! Ну как можно спать при таких ароматных запахах? Хорошо, что здесь волков нет, а то бы уже стаями сбежались к тракту. И своим воем всю округу распугали бы.

– Скорее всего, в эту внутреннюю часть только горные архары и добредают. Ведь там, где мы прошли, ни один медведь и ни один волк пройти не сумеет. Ладно, садись и ешь, а я остальных подниму.

Но Сильва уже вышла навстречу из внутренних помещений:

– Чего с утра ругаетесь? Спать не даете...

На ее лицо было страшно глянуть из-за распухших и набравших красноты фурунгулов. В другой раз Василий ни за что бы не отправил подругу в таком состоянии на целый день, да еще в мороз, но слишком хрупкая Дана не потянет труп на себе в гору. Тем более что и палач, и его подручные оказались тяжеленными отморозками. Да и сама Сильва просто взбеленится,

если заметит неоправданное проявление жалости. А вот лекарские советы она просто обязана была выслушать от старшего в их группе.

– Иди сюда. – Он подвел ее к камину. – Вот, сразу намажься тем, что натопилось. Потом повторно, перед выходом наружу. А остатки я тебе куда-нибудь приспособлю. Очень поможет такая смазка при переохлаждении.

Женщина почему-то учащенно задышала, шевеля при этом своими изуродованными ноздрями, да только Василий уже удалялся во внутренности пещеры. Но все-таки не сдержал довольной улыбки, когда вслед ему прошелестело:

– Спасибо...

Петр спал без задних ног, негромко похрапывая и смешно шевеля губами. Видимо, запахи донесли и до него, и ему снилась очередная сытная трапеза. Но стоило лишь фигуре раннего кашевара появиться в проеме вырубленного в комнату входа, как парень замер на полухрапе, его рука под одеялом шевельнулась, приподнимая пистолет, а глаза приоткрылись. Голос хоть и хриплый, но спокойный:

– Чего? – Видимо, узнал.

– Хватит дрыхнуть. А то там твою порцию каши слопают и не подавятся.

В следующую секунду парень уже вскочил на ноги, подхватил свою разгрузку и поспешил к столу с напускным ворчанием:

– Да, тут с вами не растолстеешь! Ни те поспать, ни те личной жизни...

Дана тоже заметила Василия раньше, чем он приблизился к охраняемому ею участку:

– Уже иду. Меня «моргашка» разбудила, лишь только ты из-за угла вынырнул.

– Как наш отшельник?

Черноглазая красавица заглянула в келью:

– Да спит, как медведь в берлоге. Значит, совесть чиста. Да и натерпелся он вчера, на пол-жизни воспоминаний хватит.

– Ну, тогда пошли есть реквизированную у него кашу. Думаю, нам совесть при этом не помешает.

– Да уж! Давиться я не собираюсь.

Когда все собрались за столом, Сильва спросила о раненом:

– Что-то он бледно выглядит. Может, повязки поменять?

– Не сегодня. – Дана зачерпнула ложкой очередную максимальную порцию каши, очень похожей на пшеничную. – А вот завтра посмотрим. Так и не очнулся ни разу?

– Стонал от боли. Вколол ему обезболивающее и успокоительное. Больше мы ему ничем помочь не можем.

– А стоит? – всколыхнула прежние сомнения Сильва.

Хоть и трудно было смотреть ей в глаза из-за опухших щек и лба, но Василий все-таки умудрился заглянуть – и с мысленным удовлетворением заметил там не злость или ненависть, а надежду, замешанную на женском любопытстве. Почему-то мнение именно этой, самой опытной подруги для старшего группы оказалось наиболее важным. И он ответил с еще большей уверенностью:

– Обязательно. Уверен, такой человек живым нам окажется более полезен, чем мертвым.

Остальные промолчали, хотя по выражениям лиц можно было догадаться, что они, скорее всего, согласны с подобными выводами. Лишь чуть позже Петр мотнул головой в сторону кровати и спросил:

– Вы тут сами с ним справитесь?

– Если он будет возражать, то и вы не поможете. – Василий пока так и не притронулся к своей порции, посматривая, чтобы хватило, да еще и осталось в дорогу уходящим на охоту товарищам. – Наелись? Кому добавки?

Молчание продлилось, пока миски не остались пустыми, и Курт печально похлопал себя по животу:

– И хорошо бы, да некуда. А как вспомню, что еще и труп за собой волоочь неизвестно сколько, сразу тошнить начинает.

Петруха рассмеялся:

– Кажется, долго потеть не придется. Как только доберемся до места нашего вчерашнего наблюдения, так сразу расщелины и пойдут. Правильно, Васек?

– Не скажи. Туда тоже еще добраться надо. А на первом участке и я вам помогу.

– И оставишь Дану одну сразу с двумя мужчинами? – На полный желудок парень всегда любил побалагурить.

– Один влюбленный в Пьяцу, а второй – никакой! – скривилась черноглазая красавица. – Мне троих озабоченных и здоровых не хватает для оргазма...

– Да ну? А таких орлов, как я? – приосанился Петр.

– Ну... если таких, как ты... то, может, десяток и справится.

Больше всех после слов подруги развеселилась Сильва. Что вообще, а тем более в ее теперешнем состоянии, было огромной редкостью.

– Ох! Ну ты его и уела! Теперь он точно свой орлиный хвостик на узел завяжет! Хи-хи-хи!

Вся «третья» довольно оскалилась на эти несколько грубоватые приколы. Еще и несколько своих шпилек подкинули, но самого молодого обидеть не удалось. Он с готовностью веселился больше всех. Разве что и самым первым спохватился:

– С чего это мы так расслабились? Жрать нечего, трупы коченеют, а наш работодатель ни в зуб ногой. Не пора ли нам хотя бы прогуляться?

– Пора, конечно пора. – Курт самым первым стал напяливать на себя разгрузку. – Только вот при чем здесь нога к зубу?

– Ну вот, а еще полиглотом прикидываешься. Русский язык хуже, чем ашбунский, знаешь, – улыбался Петруха. – А обозначает сие выражение, что раненый настолько слаб, что ни в зуб тебе дать не сможет, ни ногой в ухо засандалить. Ферштейн?

Немец погладил свой сапог и стал повязывать поверх него утеплительную меховую повязку. Казалось, он не понял некоторых словечек, но вдруг довольно громко проворчал:

– Сандалий у меня нет, Петруха. Но вот когда-нибудь я тебя так «засапогарю» под зад, что смеху будет... Или правильнее сказать «запердолю»?

– Нет, – трясаясь от смеха, возразил Василий. – Это уже из польского, полиглот ты наш!

Минут через пять вся процессия, сгибаясь под тяжестью трупов, покинула пещеру. Снаружи действительно дело близилось к рассвету, на небе виднелись лишь две луны. Впрочем, они все равно давали ненужное освещение. Благо еще, что легкие перистые облака несколько затемняли густые тени на горных склонах. Преодолели первый уступ, затем второй, и только там Василий передал свою ношу на плечи присевшей под тяжестью Сильвы.

Затем, чтобы не терзаться неведомо откуда появившимися угрызениями совести, он поспешил, не оборачиваясь, вниз. И успел как раз вовремя: хозяин пещеры появился в «гостиной» и с некоторой настороженностью рассматривал одиноко сидящую за столом женщину. Та обернулась на вошедшего товарища и пожала плечами:

– Предложила ему перекусить, а он встал там и замер. Может, что-то не так?

Василий накинул стопор на плиту и деловито протопал к месту завтрака. Следовало и самому подкрепиться, раз каши хватило, да еще и чуток останется. Но не сел сразу на скамью, а высокопарно воскликнул:

– Наше божество заставило нас встать пораньше и заняться делами насущными, а тебя приказало накормить силой, если ты слаб или болен.

Подействовало. Отшельник обозначил приветственный поклон и покорно уселся за стол. Тотчас перед ним оказалась наполненная Даной миска с аппетитно пахнущей кашей. Но прежде чем есть, хозяин пещеры все равно спросил:

– А куда все остальные ваши воины подевались?

– Наше божество мне послало этой ночью сон, где рассказало, как и где нам добыть мяса для нашего стола на ближайшую неделю.

– Его можно купить возле ворот в начале тракта...

– Может, и так, но мы слушаемся только божественных указаний! – гнул свое Василий. – Поэтому мне приснились большие животные, живущие на вершинах по соседству, и громкий голос: «Вот ваша еда! Отправляй за ними охотников!» Так что ничего не оставалось делать, как послать. Ну вот сам скажи, разве можно противиться гремящему в твоей голове голосу?

– Нет, нельзя... Но эти животные называются гаерны. Их не достать стрелами, а порой они и сами прыгают вниз, забивая охотников насмерть своими копытами. Или тараня огромными рогами. Они очень злые и коварные.

– Увы! Сомневаться в данных нам приказах нельзя, – опечалился гость из другого мира. Хотя при этом он поймал обеспокоенный взгляд Даны. – Но любой наш охотник настолько ловок, что ему нет смысла подкрадываться к этим гаернам вплотную. Так что не беспокойся.

– А куда делись эти... – Он оглянулся в проход. – Палач и его подручные?

– Понятия не имею! Как мы тут решили, нашему божеству, скорее всего, пришлось перебросить в другое место немного телесной массы взамен вот этого. – Василий указал на кровать с раненым. – Вот он и прихватил трупы, пока мы спали. Потому что, сам посудите: не мог же палач с дружинниками ожить и сбежать?

Хоть Деймонд замотал отрицательно головой, что, мол, не могли, но тут же сам себе стал противоречить:

– А вдруг смогли?!

Он уже и про кашу забыл, настолько его напугала вставшая перед глазами картина. Пришлось женщине выравнивать ситуацию, в которую несколько неосторожно завел себя ее товарищ:

– Мой друг разве тебе не сказал, что никто из тех, кого мы умертвили, никогда уже не оживет?

– Нет, не сказал...

– Ну так я тебе уже это сказала! И меньше спрашивай, пока не наешься. Или тебя таки покормить? Мне не трудно...

– Спасибо, я сам!

Пока он поспешно наворачивал свою порцию, позавтракал и Василий. Сытно отрыгнул и пересел ближе к камину. Удобно устроился на валуне, прислонился к стене и полез за своим портсигаром. Из всей компании он один считался человеком курящим, хотя баловался сигареткой лишь раз в неделю, да и то после впечатляющего обжорства или солидной выпивки. Ну и, вполне понятно, только в спокойной, расслабляющей обстановке. Если бы он только мог предположить реакцию отшельника!

При виде выпускаемого через нос дыма Деймонд в который уже раз за последние сутки впал в короткий ступор, а потом резко подпрыгнул и вознамерился сбежать во внутренние помещения. При этом совершенно проигнорировав сидящую почти рядом женщину. Дана без труда подставила ему подножку, когда же парень грохнулся на камни, коварно наподдала кулаком по почкам, затем бесцеремонно подхватила за ворот показавшейся под одеялом куртки и подволокла к старшему группы. Тот с самым растерянным видом воскликнул:

– Ты чего, парень? С ума, что ли, сошел? Никогда курящего человека не видел?

Но его подруге еще парочку минут пришлось трясти незадачливого хозяина пещеры, пока тот с трудом и ужасом не выдал из себя объяснение:

– В Успенской империи баловаться дымом имеют право только жрецы мужской половины!

– Ах, вот оно что! – облегченно рассмеялся Василий и нарочно пощупал свою голову. – Но мне об этом голос ничего не рассказал. Тем более что в нашем мире это может делать любой воин как среди мужчин, так и среди женщин. Вот, смотри!

Он протянул дымящуюся сигарету боевой подруге. Зная при этом, что та в юности иногда курила, да и при выполнении задания следовало порой «напустить тумана». Дана ничего не оставалось делать, как с закатившимися от возмущения зрачками сделать ползатяжки и выдохнуть дым прямо в расширенные глаза Деймонда. Потом она вернула этот отвратительный «Кэмел» владельцу, отпустила ворот пленника и возвратилась к столу со словами:

– А вообще-то в нашем мире этой гадостью травятся лишь одни идиоты.

Расширенные глаза перевелись на Василия, и тот со смирением подтвердил:

– Да, это правда. Курение вредит здоровью! Вдыхать и выпускать дым считается очень вредной привычкой, и с этим явлением борется каждый жизнелюбивый человек.

– Вот это да!.. А у нас в среде жрецов излитие дыма слывет показателем святости и печатью высшей избранности.

– Чем же тогда у вас выделяются женщины-жрицы?

– О! Они могут улучшать друг друга лица, доводя красоту до совершенства. У них белые, шелковистые волосы, и они имеют право иметь сразу трех мужей.

– Нет, Дана, ты слышала? И здесь блондинки рулят!

Это восклицание было брошено на русском, да и в дальнейшем воины «третьей» старались некоторые детали обсуждать именно так. И своим неотличимым от местного выговором поражали местного отшельника еще больше.

– А вот почему они сами себя не совершенствуют? Есть ограничения?

– А вы разве не знали? – удивился Деймонд, но тут же понял, что ляпнул глупость. – Извините, я вспомнил: ведь ваш «голос» мог и не рассказать. Дело в том, что все жрецы получают от вершины Прозрений великий дар – умение лечить людей. Но только не самих себя. Если кто-то из них серьезно заболевает, то сразу посылают за ближайшим коллегой. Причем стараются пригласить самого лучшего. Нашего Бурулкана, зная о его бездарности, почти никто никогда и не звал...

– То есть дар у всех разный?

– Конечно. У кого очень сильный, а у кого вообще слабенький.

– Кстати, ты так и не сказал, как много магириков становится жрецами?

– Всего лишь один из пяти или шести тысяч. – И, словно предваряя следующий вопрос гостя из иного мира, отшельник поспешно спросил сам: – А как у вас становятся жрецами?

Василий нахмурил брови, припоминая, как в его мире желающие становятся студентами учреждений с медицинским уклоном, потом долго учатся, потом практикуются – и в конце концов все равно почти ничего не умеют. Как местный Бурулкан. Но здесь хоть не тратят на обучение уйму средств и времени. Поэтому решил пофантазировать и на эту тему:

– Ты знаешь, в нашем мире отбор проходит еще более жестко и кроваво. Любого паломника разрезают вдоль тела на две половинки и только тогда определяют его пригодность к лечению. На это, по мнению божества, подходит лишь каждый третий или четвертый. Вот тогда их опять склеивают и дают право лечить людей. В том числе и себя.

– К-как разрезают? – стал заикаться парень.

– Сбоку. Вот прямо по этой линии. То есть вид спереди и сзади остается нетронутым.

Хозяин пещеры содрогнулся от представленной картины, но его любопытство так и не иссякло.

– А с остальными разрезанными что делают?

– Закапывают на полях как удобрение. Ну чего смотришь? Не пропадать же добру! Да и вообще, Деймонд, мой внутренний голос кричит, что тебе надо запретить задавать вопросы. Ты и сам еще нам не рассказал все должное. Поэтому давай вернемся к нашему вчерашнему неоконченному разговору. Опиши подробно каждый свой шаг возле и внутри черного монолита. Все, что заметил, и все, что понял или до чего додумался. Давай присаживайся на скамью и начинай.

– Хорошо... воин. Только вот я до сих пор не знаю, как к тебе обращаться.

– Действительно... У нас имеются обращение «герр» и «фрау»... – Василий заметил, как его боевая подруга дернула плечом и недовольно скривилась, поэтому продолжил: – Но так общаются между собой обыватели. Тогда как великие воины справедливости разрешают делать приставку к своему имени «дон», а женщины – «донна». – Подруга при этом опять скривилась, но уже не так категорически. – Так и коротко, и уважительно. А зовут меня Василий, ее – Дана.

– Очень приятно. – Отшельник сделал два вежливых поклона, удивляя своими манерами, и начал рассказ.

Оказывается, нахождение на тракте Магириков налагало множество обязанностей и приносило несколько основополагающих ограничений. Самое первое: нельзя было пронести вовнутрь горного образования Бавванди, практически неприступного со всех иных сторон, ни единого металлического предмета. Во избежание этого любого желающего пройти обыскивали сразу же в первой секции огромных, расположенных между первыми и вторыми Воротами, залов. Для этого магирик проходил по тускло освещенному тоннелю, на том этапе пути совсем не обязательному, в конце которого ему сразу указывалось, в каком кармане или котомке паломник забыл запрещенный к проносу предмет. После чего тот мог повторно сдать металлические вещи, изделия и даже золотые украшения в некое подобие камеры хранения. Сами эти многочисленные камеры располагались в нескольких громадных пещерах, застроенных многоуровневыми стеллажами. Взамен котомки или мешка выдавали деревянный жетон с кучей цифр и бестолково расставленных букв. Ни один паломник потом никогда не жаловался, что ему чего-то не вернули или что-то перепутали. Система хранения работала без сбоев.

Во второй секции металлические предметы забирались распоряжающимися там жрецами без всяких поблажек или предупреждений. Как они замечали припрятанное украшение, монеты, оружие – вплоть до тончайшей иглы, – оставалось великой тайной. Но те из магириков, у которых ничего не было, проходили беспрепятственно, а вот проштрафившихся не только обирали без возврата, но и заставляли возвращаться обратно, ставя при этом на руку не смывающуюся дней десять печать. То есть таким нарушителям приходилось более десяти дней прожить в городе, который раскинулся перед Воротами, и только потом делать вторую попытку. А если продолжал хитрить, то и третью, а то и четвертую. Учета по таким нарушителям не велось, зато проживание в городе им вылетало в хорошую денежку, и любой из паломников подходил к процессу преодоления Ворот с максимальной ответственностью. Хотя город как раз и разрастался постоянно из-за тех самых безответственных разгильдяев.

Верховые и гужевые животные проверялись отдельно, как и вся их сбруя. Следовало оставлять лишь кожу и дерево. Даже удила на время прохождения по тракту использовались деревянные – из крепчайшей в этом мире древесины вестлы. Редкие повозки тоже проверялись в специальном тоннеле и не пропускались на тракт при обнаружении даже единственного гвоздя. Вот потому они и были так редки на древней дороге. Любой, конечно, мог нанять в городе что угодно и проехаться с комфортом до самого монолита и обратно, но несусветные цены на такую поездку отпугивали подавляющее большинство паломников. Да и не было никакой нужды богатым ашбунам стремиться к вершине Прозрения. Им и так жилось припеваючи, так зачем рисковать собственной жизнью для обретения порой совсем ненужного дара.

В большинстве случаев хватало вызвать жреца с полным даром и за определенную, по имеющимся прецедентам, плату излечиться от чего угодно.

В третьем, последнем секторе громадного комплекса Ворот практически с каждым из магириков проводился короткий инструктаж. Людей загоняли в помещение со скамьями, и в течение четверти часа какой-нибудь жрец или жрица объясняли, что можно делать на дороге к монолиту, а что нельзя. К примеру: строго запрещалось хоть единым словом перемолвиться с теми, кто уже возвращался от черного монолита. Да и вообще, подобное общение считалось злым предзнаменованием, после которого магирик обязательно погибал при ударе молний в самом монолите. Так что желающих нарушить это табу не встречалось. Во время всего паломничества нельзя было грабить, воровать, вступать в драки, кричать и даже громко разговаривать. При встрече с караваном, которые тут проходили раз в неделю, следовало немедленно сойти с тракта и пропустить длинную вереницу тяжело нагруженных повозок. Не приближаясь при этом к ним и ни в коем случае не начиная разговор с возницами. Имелись в виду как раз те самые жреческие караваны, которые собирали и меняли по всей Успенской империи ларцы Кюндю с таящимися внутри духами смерти. Как ни странно, сами повозки жрецов не просто выглядели, а явно состояли из множества металлических деталей, вплоть до сплошных, литых из легкого железа колес. Правда, колеса для мягкости хода имели по ободу резиновое покрытие. Любой паломник замечал и хорошо различимые рессоры, употреблявшиеся лишь на каретах самых видных жрецов, богачей и политических деятелей империи. Но при этом никаких вопросов не задавалось, слишком уж трепетное, священное отношение к подобным караванам имелось у каждого простого обывателя.

Шли паломники к монолиту как им заблагорассудится. Лишь бы хватило питания в вещевых мешках да прихваченной с собой коряги для ночного костерка. Это если не было желания напрашиваться на ночлег к отшельникам. Для такого случая брались с собой две-три порции «подношений» за возможность переночевать в обогреваемых пещерах. Потому что летом даже в дневное время на тракте царил бодрящий холодок, спускающийся с покрытых снегом и льдом вершин Бавванди.

Среди магириков встречались и особо выносливые люди, которые проходили все шестьдесят километров тракта за сутки. А потом точно таким же рывком возвращались обратно. Но подобная спешка не приветствовалась, и сильно спешащих паломников считали фанатиками, не способными правильно подготовиться к ритуалу Прозрения. Мол, только с чистыми помыслами, в душевной гармонии со своим будущим и в мире с самим собой следовало приближаться к монолиту.

А вот когда магирик доходил к цели своего путешествия, тогда и начинались основные чудеса. Сразу следовало сказать, что в последние часы пути невероятная громада черной скалы начинала давить на человеческую сущность не только своими титаническими размерами, но и подспудным, легко забирающимся в глубину сердца ужасом. Воздух становился тяжелым, словно густел, вокруг вихрилась издалека незаметная облачность и дымная поволока, обоняние раздражали тяжелые, совершенно непривычные и отторгаемые человеком запахи. Почва подрагивала под ногами, и слышались тягучие, препротивные скрипы, порой прерываемые хрустом и потрескиванием. Словно вся эта черная масса вот-вот провалится в неведомые глубины расколовшегося мира. И случалось то, чего не ожидали от себя самые стойкие порой, решительно настроенные паломники. Постояв немного на дрожащих ногах возле ужасающего овала чернеющего тьмой прохода, они трусливо поворачивали обратно. Чтобы уже никогда больше не возвратиться к вершине Прозрения. Хотя, может, кто и пробовал пройти путь магириков второй раз, жрецами это не запрещалось, а о фактах повторных паломничеств Деймонд Брайбо пока узнать не успел.

Поворачивало назад не так уж много, один-два человека из сотни, но никто не смотрел им в спины с осуждением или презрением. Здесь каждый начинал окончательно осознавать, на что

он решился, чем он рискует и что с ним может случиться в скором времени. Если же решались, то преодолевали последние сотни метров с различной по характеру и смелости скоростью и попадали в анфиладу громадных, сообщающихся сторонами между собой пещер. Скорее всего, эти пещеры были грубо вытесаны в глубокой древности, а неизвестные строители оставили лишь толстенные стены-колонны и арочные проходы между ними. Из сотен, тысяч отверстий вырывался огонь, как для освещения со стен, так и для обогрева и варки пищи из пола. Пещеры имели между собой лишь одну сплошную, но мутно-прозрачную стену, делящую их примерно пополам. Слева – те, кто прибыл, и справа – те, кто уходит. Обе категории могли видеть друг друга и при желании обменяться жестами, но старались отворачиваться от прозрачной стены вообще. При этом прозаично занимались своими делами. Потому что в пещерах можно было отдохнуть, приготовить еду, поспать и даже искупаться под многочисленными струями водопадов возле дальних стен. Вода струилась довольно теплая для этих мест, словно в летний период на теплых морях, так что разбивающиеся стихийно на группы женщины и мужчины купались порознь, под выбранными водопадами. Считалось, между прочим, хорошей традицией ополоснуться в священных водах как в преддверии обряда, так и после него.

Кушать старались в основном перед обратной дорогой. При этом превалировали такие рассуждения: «Если я погибну, то пусть мои запасы достанутся отшельникам, которые в трудный час подадут помощь другим паломникам».

А вот уже после отдыха и купания очистившиеся и успокоенные паломники приближались к светящимся аркам самой дальней, противоположной от входа стены. Арок насчитывалось тридцать две, и если свечение в какой-нибудь из них начинало пульсировать, то это служило сигналом разрешения входа. Тогда очередной паломник, скрепя сердце и отдав бразды своей судьбы в руки Провидения, спешил на встречу с неизвестностью.

Короткий, слегка извивающийся тоннель приводил соискателя на звание жреца в небольшую комнатку, ее называли «исповедальня». Там следовало усесться на скамью, затылком к стене, и четко, быстро, громко и разборчиво отвечать на все вопросы, доносящиеся из узких щелей в камне. Интересовались событиями из раннего детства, причиной недовольства прежней жизнью, скрытыми побуждениями стать жрецом, отношением к великому императору и его придворным. Порой проскальзывали вопросы о подарках или отданных продуктах для отшельников, требовали при этом пояснить щедрость или скардность. Просили перечислить предметы, которые остались в камерах хранения. Спрашивали, кто остался в большом мире из родственников и друзей.

И так минут десять-двадцать. Хотя некоторые потом и утверждали, что у них выпытывали намного дольше. Кто спрашивал, неизвестно. Хотя голоса женские чередовались с мужскими, но слишком уж они странно звучали для нормального, подверженного эмоциям человека. От интонаций и непонятного тембра голоса получались словно неживые.

Ну и потом наступал час истины. Магирик преодолевал очередной, еле освещенный проход и попадал в небольшую комнатку, где раздевался догола, укладывал все свои вещи, одежду, продукты и деревянный жетон в единый, удобный для переноски тюк и двигался дальше, упираясь через несколько метров в тупик с дверью из массивных, почерневших от времени брусков дерева. Тюк следовало положить в большую нишу с правой стороны, и только после этого дверь приоткрывалась со странным щелчком. Голый входил вовнутрь, плотно закрывал дверь за собой и становился на поблескивающий гладкий круг метрового диаметра. Многие потом говорили, что чувствовали босыми ногами стекло, но Деймонд сомневался в подобном утверждении. Слишком теплым ему показался круг, хотя и не факт, что его не прогревали специально.

А потом раздавался вой раненого носорога, и в странных вспышках с некоторой раскачкой круг медленно делал несколько поворотов вокруг своей оси. Далее полная тишина обо-

значала, что обряд пройден. Конечно, теми, кто оставался жив. Куда деваются трупы погибших и как выходят наружу будущие жрецы, Деймонд Брайбо тоже не знал, но когда он вышел наружу, то отыскал свой тюк с одеждой не слева, как следовало предполагать, а опять справа. Причем рядом с ним не оказалось второго тюка от предыдущего паломника. Что значило: предшественника вершина Прозрения не сожгла молниями, но и не объявила жрецом. Ибо в обоих этих случаях его тюк предназначался для подношения отшельникам.

Далее совсем иной тоннель выводил на половину «уходящих».

Как рассказал уже позже молодому наследнику предыдущий хозяин пещеры, прошедших обряд жрецов выводили третьим ходом, слегка обучали в течение нескольких дней азам исцеления, облачали в отличительные, очень дорогостоящие одежды и с очередным караваном отправляли за Ворота. При этом вручались солидные, можно сказать, огромные деньги, за которые можно было выстроить чуть ли не целый госпиталь. Попасть в камеру хранения за своими вещами жрец не мог бы при всем желании, да и жетон оставался у неизвестного отшельника. Далее новичку предоставлялось два маршрута на выбор: возвращаться в родную обитель и уже там искать для себя место для деятельности или идти в столицу империи. Там, в главной обители священного распределения, он мог взять направление в тот храм, куда его пошлет сам император.

Но так как Деймонд оказался очень расстроен своим напрасным паломничеством, то даже и не порадовался как следует, осознав, что лишний груз ему тридцать километров тащить на себе не придется. Отдохнул парочку часов, перекусил остатками своих скудных запасов да, так и не искупавшись повторно, поспешил к Воротам. Совершенно при этом не подозревая, что впереди его ждет великая честь получить приглашение от древнего отшельника. Подобное считалось тоже огромной удачей по двум причинам: Деймонд мог теперь отлично спрятаться от своих преследователей и при этом мог вызвать к себе любимую Пьяцу. Женщин-отшельниц на тракте не существовало, но это нисколько не мешало многим женам жить возле своих мужей долгие годы, а то и десятилетия. Другой вопрос, что им при этом не только шапку из черного каракуля было нельзя носить, но и шагу ступить из пещеры в дневное время для праздной прогулки. Разве что лишь сходить к воротам за продуктами да какой-либо утварью для хозяйства. Ну и по ночам: навеваясь в гости друг к другу и общаясь, сколько влезет.

То есть, по рассуждениям молодого отшельника, жизнь у него здесь с любимой девушкой вполне могла наладиться. А там и срок в пять лет истечет, и с нажитым на тракте добром можно вполне прилично поселиться на новом, в любой удаленности от старого поселка, месте.

Само собой, Деймонд промолчал и об основной сути своего грядущего обогащения: жетонах убитых магириков и подавшихся в жрецы. Василию не составило труда догадаться, что именно в камере хранения и собирают основные капиталы. Со временем их можно с помощью жен изымать, перераспределяя в городе, а при окончательном отъезде забрать все остальное. Вот почему отшельников считают богачами.

– Хороший расклад, – обратился старший группы к Дане на русском.

Он хотел еще что-то добавить о хитрости и излишней жадности, но в этот момент, казалось бы, ни на что не обращавшая внимания и только прислушивающаяся к рассказу женщина тихонько сказала на языке ашбунов:

– Он открыл глаза...

И первая развернулась всем корпусом к кровати.

Глава 7

Единственный шанс

Александра с каждым своим выходом из обморока чувствовала себя все отвратительнее и беспокойнее. Нависающего над ней мерзкого лица Королюха она не наблюдала, но, как только приходила в себя, со вздрагиванием ощущала очередной укол в бедро или плечо, и на нее через пару минут накатывала чудовищная волна максимальной бодрости и горячего возбуждения. Сердце начинало выпрыгивать из груди, голова – трещать от пульсирующей с огромной скоростью крови, а дыхание становилось учащенным, словно девушка только что преодолела по лестницам пятнадцать этажей бегом.

В какой-то момент она рассмотрела, словно в тумане, белое лицо коллеги из аналитического отдела. И ужаснулась еще больше.

– Рафик, это ты? Зачем ты здесь?!

Уж она прекрасно знала, зачем и с какими намерениями появляется пресловутый аналитик возле допрашиваемых. Сама при этом никогда не присутствовала, но знала преотлично. И в душе что-то больно хрустнуло, отсекая последние шансы к сознательному сопротивлению, когда мужчина совершенно бесцветным голосом ответил:

– Работаю, Шура. Делаю, что умею.

А умел он слишком много. Да и постоянно меняющееся состояние всей нервной системы показывало: еще один-два укола, и Рафик приведет распятое путами тело к чему-то страшному, постыдному и невероятно унижительному. Какой-нибудь там сыворотки правды и подобного психотропного средства девушка не боялась. Потому что выдать какие-либо секреты Дмитрия она не могла по причине их элементарного незнания. А вот умирать... Вернее, нет, умереть она не боялась. И будь сейчас ее воля, со спокойной совестью решительно бы покончила жизнь самоубийством. Потому что вытерпеть то, что с ней наверняка собираются сделать, не сможет никто.

Хотелось выть дико и протяжно, но толку от такого поведения никакого не будет. Ни сорвать голос она не сможет, ни вызвать чью-то жалость. Наоборот, только собственные ресурсы гордости исчерпает преждевременно. Хотя не факт, что эти ресурсы еще пригодятся.

Рассудив, что опять проваливаться в бессознательное состояние и трудно и нелогично, попыталась завязать разговор:

– А что это нашего штатного садиста Королюха не видно?

Рафик с некоторым удивлением почесал себя за ухом: реакции у пациентки неадекватные. Но с другой стороны, говорить с ней ему никто не запрещал, а грубить и хамить было не в его привычках. Поэтому после некоторых размышлений и подвижек бровями стал отвечать:

– Отбыл по срочному вызову.

– И когда вернется?

– Обещался вскоре, но, видимо, задерживается.

– Ой, как здорово! Ха-ха! – Энергия так и била из тела девушки через край. – Вот бы его какая-нибудь сердобольная немка-бабулька на джипе переехала! Честное слово, на его могилке я бы горькими слезами рыдала, что не оказалась на месте той бабульки. Кстати, а у тебя как дела?

– Да вроде все нормально. Если не считать небольших неприятностей в быту.

– Что так? Здоровье не в порядке?

– Ха! Инвалидов в конторе не держат, – без всякой задней мысли разглагольствовал аналитик. – А вот возле дома, где я живу, вообще беспредел начался. На общей стоянке мою машину уже несколько раз поцарапали вандалы-турки. Достали, подонки малолетние!

– Неужели не можешь найти на них официальную управу?

– Где? У кого? Все эти правильные «недочеловеки» только и брызгают слюной: «Как же, как же! Они еще дети! Надо быть к ним гуманнее и терпимее». Тьфу, твари бургерские!

– Ха! С твоей сообразительностью тебе и жаловаться не надо.

– Точно. – Рафик не сдержал самодовольной улыбки. – Я теперь по контуру крыши микрораспылители установил и, как только эта шантрапа начинает на стоянке отираться, дистанционно включаю на полную интенсивность. Веришь, за последнюю неделю только треть этих уродов из всей компании осталась. Я им такое устроил, что теперь до конца жизни на костылях будут хромать да на аптеку работать.

Александра постаралась оставить внутри испуганное восклицание.

«Еще неизвестно, что лучше: попасть в руки Королюхо-ву или вот такому!.. Наверное, благо, что он со мной просто «работает»! Я бы опухла от ужаса, если бы он стал проявлять инициативу и фантазировать. А может, он уже проявил? Вон ведь как меня колотит, словно перед смертью при оргазме... Опа! А ведь и в самом деле, что-то с моими эрогенными зонами случилось! Кажется, они теперь на все тело расплзлись... Мама, роди меня обратно! Я в шоке! Ужас!!!»

Одеревеневшими и непослушными губами попыталась продолжить разговор:

– Молодец! Сумел использовать высший профессионализм! Так им и надо!

– А то! Все бы так действовали, и был бы в нашей старушке Европе истинный порядок и полное благополучие. Так нет, разводят демагогию! Ничего, их скоро еще не так коснется, вот тогда они точно поймут, что такое не везет и как с ним бороться!

– Хм, я вот уже поняла, – постаралась заменить возбуждение в голосе легкой грустью Александра. – Что мне крупно не повезло. Вроде и самая лучшая, и самая, самая, а вот... – Дальше она стала говорить неразборчиво, словно в полной прострации: – Ни себе помочь не могу, ни товарищам по конторе, которые даже и не догадываются о возможной тотальной за...

Она еле слышным шепотом оборвала себя на полуслове и тяжело вздохнула. Тогда как Рафик, с присущим ему профессионализмом, закатил девушке веко, присмотрелся к зрачку и громким голосом стал комментировать:

– Что-то ты, девочка, совсем невеселая! Странно... А давай-ка я тебе сразу два укольчика вставлю! А? Вот тогда ты уж точно грустные мысли отбросишь!

– Ага! И коньки тоже! – в бессильной злобе пробормотала жертва.

Теперь, если возбуждение еще более увеличится, тогда она точно не сможет воспользоваться своим трюком с обмороками. Всем своим перевозбужденным, натянутым как струна телом она ждала очередного укола, дав себе слово больше не кричать и не просить. Но вместо явного укола она почувствовала на внутренней стороне бедра легкий удар ребром ладони и услышала слова:

– Так... вот тебе первый укольчик! Потерпи немного, это не больно...

Но при этом зудящая кожа просто ощутила, как по ней стекает какая-то жидкость. Затем процедура мнимого укола повторилась.

– Ну вот, и второй пошел! Родименький! А? Плакать от боли не будешь? Ну вот и молодец. Сейчас тебя опять прогреет основательно. С моими талантами не соскучишься!

Но теперь уже Александра осознала с полной уверенностью: Рафа только создал видимость сразу двух уколов! Подстраховавшись голосом от прослушивания и зажатыми в ладони шприцами от видеоподсмotra. При его несомненном опыте, даже случись максимальное приближение на просмотре, Казимир Теодорович и Павел Павлович не рассмотрят, что игла

не вошла в тело, а все средство пролилось на и так уже влажную простыню, покрывающую бильярдный стол.

Подстегнутые химией мысли заметались с еще большей интенсивностью. Как бы там ни было, но только что ее недавний коллега проявил некое удивительное свойство своей натуры: сочувствие. Пусть его поддержка или поблжка, не важно как назвать, и минимальна, но все равно это маленький шанс. Почему он это сделал? Неужели понял намек на тотальную зачистку? Тоже ведь умнейший мужик и соображает раз в десять быстрее, чем любой обыватель с улицы. Но даже если и понял, то дальнейшей помощи ждать от него бесполезно. Себя, да, себя он постарается хоть минимально подстраховать, хотя прекрасно осведомлен о порядках экзекуции и уже сейчас должен обделаться от страха. Контора, а уж тем более те, кто ею руководит, всегда работают с тройной перестраховкой.

Что еще? Память услужливо подсказала и отыскала парочку моментов, когда при личных контактах Александра проявила к этому типу уважительное внимание, а один раз даже походя прикрыла небольшое прегрешение. Никто из прочих агентов подобного в своих отношениях к младшим по штату не допускал. Наоборот, считал доблестью указать на малейшую ошибку товарища по работе. Значит, некоторая толика симпатии в совершенно черством и скрупулезно исполнительном аналитике осталась.

Как бы только ей еще хоть немножко это использовать? Только продолжив разговор и пытаясь угадать, что светит в ближайшие часы.

– Ух! Действительно забирают твои укольчики! Словно под утюг положили.

– Вот видишь! А ведь здесь прохладно, и, не будь меня, давно бы тебя скрючило от холода.

– Да уж! Вижу, что ты еще тот специалист по издевательствам! Ха! – Александра не сдержалась от короткого смешка. – Наша контора может тобой гордиться!

– Ты мне льстишь. – Глаза Рафика стали напряженными. – Вот когда появится Бориска, тогда поймешь, кто самый лучший. А какой любопытный!

Вот, вот она, подсказка! Еще одна та мизерная помощь, которую сочувствующий мужчина оказывает практически мертвой жертве. Рафик прекрасно понимал и чувствовал события в конторе. Бесспорно знал, что в данный момент Королюхов становится третьим человеком в конторе после шефа и Казимира Теодоровича. И предстоящая ночь наверняка будет проходить строго по его сценарию. Скорее всего, и видеозапись с прослушкой он может отключить, и вообще нанести девушке раны, несовместимые с жизнью. Но главная задача для Александры – это найти те опорные столбы информации, ухватившись за которые она смогла бы поторговаться со своим палачом. Что не есть легко, более того, считается почти невозможным в ее положении. Но ведь на то он и аналитик, чтобы догадываться о том, что любой суперагент хоть пару раз, но соприкасался с суперстрашными тайнами. И даже порой при собственном страстном желании забыть то, что знает, помнит и лелеет в самом дальнем уголке своей памяти.

Поэтому Александра с той самой минуты перешла к интенсивному размышлению. Раз Рафик ей оставил хоть капельку силы воли, то следует использовать ее на нахождение того самого мизерного шанса на спасение. Ну, может, и не на спасение, а на отсрочку смерти. Ведь если Павел Павлович блефовал и Торговца взять не смогли, то остается шанс на его возвращение. И еще более мизерная доля этого шанса на то, что Дмитрий простит ей участие в слежке и работу в конторе – и попытается спасти. Но с верой и надеждой даже умирать легче.

Основные пункты торговли с Королюховым определились сразу. Пожалуй, один из самых удачных ходов – это убедить коллегу, что вся местная служба вот-вот пойдет под тотальную зачистку. Только здесь следовало учитывать «звездную болезнь» собеседника, который в тот момент будет выступать в роли палача. Бориска слишком уж себя вознес, а после разоблачения Александры, наверное, считает себя пупом земли, не меньше. Для него сама мысль о гипотетической ликвидации может показаться полным абсурдом, разозлить до предела, за которым

любой разговор станет практически бессмысленным. Это следовало оставить на самый последний, крайний момент торговли.

Еще более значимым мог оказаться вывод о том, что Павел Павлович является одним из двух совладельцев конторы. Но только лишь намек на это мог иметь самые тяжелые последствия. Сообразительный Королюхов сразу все просчитает до последнего финишного выстрела и начнет действовать стремительно. Для него самое лучшее будет: моментально пристрелить Шурку на бильярдном столе, сжечь всю контору, избавиться от чипов (а уж такой тип для этого наверняка присмотрел давно и хирурга, и соответствующую аппаратуру) и до утра замести за собой все следы. Подобную информацию следовало выдавать лишь в самый последний момент. Чтобы перед смертью отомстить хоть кому-то.

А вот третий вариант, вернее, целый пакет секретнейшей информации годился для торговли больше всего. При его обработке Борис получит возможность устранения шефа и реальной попытки занять его место в конторе. Конечно, при условии, что он не догадается про вторую руководящую ипостась Павла Павловича. Суть варианта заключалась в следующем.

Только попав на работу в контору, Александра в одном из своих экскурсов по внутренним файлам обратила внимание на маленькую сноску с труднозапоминаемым номером, очень похожим на банковский счет. Да еще и все реквизиты с паролями оказались рядышком. Идеальная память помогла, и все циферки с буквами запомнились как теорема Пифагора. Через парочку дней она даже проверила счет с какого-то отдаленного банкомата. Там лежали сущие копейки, и на некоторое время она про них забыла. Однажды ситуация резко изменилась, когда Александре во время выполнения наиважнейшего задания понадобилась ну очень крупная сумма денег и ей шеф перевел эту сумму в течение десяти минут. После этого она с удивлением опознала в счете отправителя тот самый, с мизерной суммой. Каково же было ее удивление, когда, зайдя по реквизитам в информацию, она обнаружила на таинственном счете несколько миллионов евро! Вот только пароли отбора и управления средствами оказались другими. Ну и она, как хорошо натасканный агент, продумала до логического конца всю цепочку появления таких огромных капиталов.

За прошедшее время контора проводила одну-единственную крупную операцию. Лучших агентов бросили в конечную стадию масштабной операции по разоблачению крупных махинаторов и расхитителей при одном очень богатом музее. Вмешательство оказалось непродолжительным и никаких результатов в агентурном плане не принесло. Раскручиваемые организаторы махинаций оказались людьми честными и вполне порядочными. По крайней мере тот, которого разрабатывала сама Александра. Тем более ужасающими оказались последовавшие после этого кровавые разборки в самом музее. Все эти благовоспитанные и честнейшие люди оказались грязными мафиози, с окровавленными по локоть руками. Стреляли друг друга и душили, словно сумасшедшие, вырезая в отместку у своих врагов целые семьи. Ну и в конце концов разобрали все сокровища до последнего украшения.

Проведенное по следам преступления расследование ничего не дало, да еще и агентам поставили в вину, что они недосмотрели, не разглядели хитрых воров, убийц и махинаторов. В какой-то момент даже показалось, что контору закрывают, а всех сотрудников вышвырнут в наказание на улицу. Но Пыл Пылыч совершил подвиг: и свое, и рабочие места своих подчиненных отмазал. По крайней мере, такое сложилось мнение внутри небольшого секретного коллектива.

И только Александра, по факту появления на счету шефа миллионов, с некоторой натяжкой предположила, что это средства, полученные за проданные сокровища. Тогда она еще сильно в этом сомневалась, но сейчас была уверена на все сто. Контора навела мосты, провела разведку и отыскала слабые места, а другие исполнители завершили всю грязную работу. Еще и так подстроили, что вся вина за хищение легла на погибших сотрудников музея. Имея на руках счет и зная, где, что и как сопоставить, Королюхов с гарантией сумеет сложить всю

мозаику гигантского преступления в целом. А этого должно вполне хватить для бесповоротного уничтожения Павла Павловича во всех смыслах. Никакое руководство не простит подобного грабежа, и подопечного быстренько уберут. Вполне понятно, что с полным «раскулачиванием». А кого поставят на его место? Нетрудно догадаться...

Ходы найдены, каждое слово предстоящих торгов продумано. Теперь оставалось только дожидаться своего палача и правильно начать разговор.

Борюсик не замедлил явиться – через час от того момента, когда Рафик нанес два мнимых укола. Весь взмыленный и с выпученными глазами, он ворвался в бильярдную и сразу принялся осматривать соблазнительно распятое тело девушки:

– Ну как она? Жаждалась, небось?

– Меня это не касается, – ответил аналитик, вставая с дивана и потягиваясь после небольшой дремы. – Состояние идеальное. Колоть тубики больше нельзя, сдаст сердце. Если все-таки потеряет сознание, подожди немножко, долго она там не протянет. Двое суток она в твоей власти. Если что, звони.

– Хорошо. – Королюхов подхватил полный шприц и с вождением покрутил его перед раскрытыми глазами своей жертвы: – Колоть?

– Коли. Только не забудь: ровно половину. А мне уже спать давно пора...

И, не попрощавшись, Рафик ушел. На что садист не обратил ни малейшего внимания, он уже с довольным мычанием вводил половину емкости шприца в бедро Александры.

– Ну вот, моя сладость, мы и остались с тобой наедине. И как видишь, я с тобой ласков и добр. – Отложив шприц, он стал поспешно раздеваться. – Не то что ты! Помнишь, насколько ты грубо однажды отнеслась к моим искренним ухаживаниям? Я ведь ничего не забыл. И как ты отреагируешь сейчас?

Его ладони прошли по женской груди, которая до этого выглядела окаменевшей, и все тело вдруг отреагировало на это всеобщими мускульными спазмами.

– О! Да ты не просто готова к плотному контакту между нами, ты вся в нетерпении от этого чуда! Ха-ха! Не ожидал от тебя такого самопожертвования.

– А что здесь такого? – Девушке каждое слово давалось с трудом, через плотно стиснутые зубы. – Я всегда своим телом пользовалась как оружием, и ничего страшного, если оно какое-то время побудет в чужих руках.

– Какое-то время? Да ты своим оружием больше никогда не воспользуешься! – заорал вдруг в бешенстве Борис. – Никогда! Ты понимаешь это, сучка?! Отстрелялась! Только вот я сейчас попользуюсь в своих целях, и все! Потом тебя только и будут, что резать, сшивать и опять резать! Уж тебе ли не понимать, что тебе грозит?

– Да я понимаю...

– Фигушки ты понимаешь...

– Ты хоть подсмотр выключил? – продолжала выдавать свои заранее заготовленные фразы девушка.

– Не волнуйся, детка, все под моим полным контролем. Видеозаписи подобного толка я вообще обожаю и буду потом просматривать перед сном. Так что приступим!

Его руки массажными поглаживающими движениями прошли по всему обнаженному, извивающемуся телу.

А вот Александру буквально перемякнуло. Застопорило дыхание настолько, что она не смогла в первые мгновения и слова произнести. Поэтому оставалось только одно: бороться со своим телом морально.

Возводить ледяной барьер между лишаящим воли безумием и спасительной расчетливостью было трудно. Почти невозможно. Тело совершенно не слушалось и конвульсивно вздрагивало от каждого прикосновения или поглаживания. Готовые сорваться на истерику губы приходилось кусать до крови, и только солоноватый привкус позволял цепляться за ту тонкую

грань, после которой даже произнесение нескольких слов спокойным, уверенным тоном станет невозможным. А ведь именно таким тоном и следовало говорить. Любые другие интонации покажутся Королюхову проявлением слабости, сдачей позиций и подтолкнут на новый, уже окончательно бесповоротный этап его садистских пыток.

«Если сейчас, именно сейчас я не смогу вымолвить то, что собралась, то уже не смогу никогда! Ну! Представляю: вокруг меня снег! На меня хлынула ледяная вода! Я замерзаю! Я в криогенной камере, и мое тело замораживает космический вакуум!...»

Она смогла! На мгновение, окаменев от самовнушения, она застыла камнем, и только губы слегка пошевелились:

– Я помогу тебе убрать Пылыча.

Глаза Борюсика пылали такой похотью кровавого вандализма, что Александре показалось даже, что она опоздала и теперь ее ничто не спасет. Но выбранная и тщательно продуманная фраза оказала все-таки свое действие на возбужденного самца в одном шаге от пропасти безумной вакханалии. Блеск во взгляде стал пропадать, расширившиеся зрачки вернулись к приемлемой норме, поглаживания прекратились. Видимо, желание и в самом деле подложить свинью шефу конторы оказалось просто невероятной силы, раз полный горячечного безумства садист решил приостановиться в своей мести и послушать вполне реальное предложение. Уж он-то со своим опытом понимал: коллега-нимфетка не станет в данном положении блефовать или подсовывать никчемную, дешевую информацию. Раз она лопочет нечто конкретное, значит, и в самом деле имеет великий компромат. Это раз. А во-вторых, исходя из ее предложения, она прекрасно осознает, кто и кого хочет уничтожить. И ничего странного Королюхов в этом не увидел: раз он мечтает уничтожить шефа, то вполне вероятно, что к этому готовилась и самая сексапильная, обладающая даром мистического предвидения красотка. Причем всегда процесс наказания можно продолжить. Пусть только она начнет изворачиваться или скажет о том, что и так уже имеется на руках у мнимого миллионера.

– Говори! Только быстро, тянуть резину не позволю.

И она начала рассказывать про историю с музеем. Правда, несколько переиначила факт и способ получения секретного счета, но все циферки продиктовала на «ять». Затем сформулировала выводы, подвела некоторые рассуждения и выдала в заключение:

– Если сбросить эту информацию высшему начальству, Пылыч не проживет и минуты.

Королюхов поверил. Сразу поверил. Потому что и сам прекрасно помнил ту операцию и огромный «прокол» конторы в работе с музеем. Только вот он никогда и подумать не мог, насколько там все сложно подстроено и какими капиталами ворочали злоумышленники. Причем не какие-то гипотетические мафиози, а самый близкий и самый горячо ненавидимый начальник.

О его конечной вере в найденный компромат говорило и то, что он стал поспешно одеваться, непроизвольно косясь на пару точек данного помещения. Видимо, там и были установлены видеокамеры, и самонадеянный агент теперь дико сожалел, что не догадался их отключить до своего спуска сюда. Теперь ему следовало это сделать быстро, незаметно и решительно. Вплоть до жестокого устранения случайных свидетелей, если таковые окажутся в конторе.

Затем ему предстояла еще одна важнейшая деталь: проверка счета и имеющихся там капиталов. Если счет будет пустышкой, то главная улика окажется под вопросом и доказать вину шефа станет сложно. Тогда Борис, скорее всего, вернется и уничтожит распятую жертву. Но самое опасное: он может вернуться и уничтожить Александру и в случае нахождения миллионов в искомом месте. В этом-то и заключался как наибольший риск всего мероприятия, так и грядущее благо. Но шла пленница на этот шаг осознанно. Потому что тогда никто никого не станет мучить. Девушки просто не станет, но при этом ее мучения прекратятся. Подобных свидетелей опасно содержать даже в специальном институте по изучению выпадающих

из общего ряда индивидуумов. И там полутруп может проболтаться. И оттуда может испортить разыгрываемые комбинации.

Александра в этом случае надеялась только на одно: Бо-рюсику будет очень некогда возвращаться. Все свои мерзкие делишки ему надо будет провернуть в течение одних суток, максимум полутора. И это – с условием, что он твердо знает, куда и к кому обращаться с компроматом на Павла Павловича. Разве что он потом вернется в контору на белом коне, полным и безоговорочным победителем. Отстучит чечетку на могиле шефа, наверняка постарается угробить и главного аналитика, и только потом пожелает продолжить свою интимную «беседу» с арестованной при его личном участии девушкой. Надеяться на его прощение было бы полной глупостью: все равно продолжит мучения и, скорее всего, убьет в итоге.

Но шансы выжить при этом увеличивались. И не только по причине возможного возвращения Дмитрия Светозарова. Если Александра поняла и рассчитала правильно, то высшее начальство конторы и есть тот самый Пыл Пылыч на пару с еще какой-то очень крупной шишкой непосредственно в правительстве. Такому тандему больше не нужны никакие «крыши» или «волосатые лапы», они и сами все свои операции и деяния провернут идеально. Да еще под прикрытием невиданных капиталов. А в нужный момент всегда найдут где нанять нелюбопытных, но действенных исполнителей. И если это окажется именно так, то Королюхов уже никогда не вернется в контору.

Что, опять-таки, даст очередную отсрочку смерти. Ну а потом...

«Потом видно будет! – подумала Александра, глядя в глаза напряженно к ней присматривающегося Бориски. – Ну! Давай беги скорее! Ишь как разнервничался, такой куш на кону...»

Садист тоже многое успел продумать и просчитать.

– Шурка, я тут ненадолго отлучусь. Но если что, то ты много не болтай. Сама понимаешь, только я тебя и могу спасти. Держись и притворяйся, сколько сможешь. Скажешь, что я тебя всю ночь мучил, – он кивнул головой на настенные часы, – и ушел около семи утра. Соображаешь ведь, одно лишнее слово – и твое тело напихают всеми бильярдными шарами и проткнут киями во всю их длину. Ну а если хоть одну букву ты мне соврала, то я вернусь очень, ну очень скоро и договор о сотрудничестве и взаимоспасении будет расторгнут.

После чего он демонстративно выдавил содержимое нескольких последних экспресс-уколов на обнаженное тело:

– Если что, то у меня еще этого добра достаточно отыщется. Отдыхай. До скорого!

– Стой! Меня всю колотит, я еле сдерживаюсь от рева, – призналась девушка с отчаянием, намереваясь выпросить какую-то поблажку. – Хоть накрой меня чем-то!

Уже в дверях недавний коллега коротко оглянулся:

– Обойдешься и без одеяла. А вот орать и дергаться можешь сколько угодно! Представляю, как ты успела на секс настроиться. Ха-ха!

Его смех затих за запертой дверью, и Александра выпустила из себя долго сдерживаемый вой, прерываемый лишь хрипом и рычанием.

Глава 8

Анализ бессилия

Дмитрий вернулся в сознание от усиливающейся боли в груди и левом плече. Но в тот же момент понял, что очнулся, и изо всех сил сдержал рвущийся наружу стон. Пришлось противостоять настолько огромной, продолжительной волне боли, что, пока она отступила, грянуло окончательное обессиливание организма. И лишь потом Динозавр стал думать и рассуждать более связно. А затем и прислушиваться к окружающим его звукам.

«Значит, все-таки выжил?! – заметались в голове отдающие оптимизмом мысли. – Судя по ощущению, что вот-вот умру от боли, – и в самом деле выжил. Теперь начну с того, что я помню из последнего момента. М-да! Лучше не вспоминать летящие прямо в лоб пули и кинжал! Ладно, с этим память не отшибло... А вот куда я выскочил? Что-то никак сообразить не могу... – Он осторожно принюхался к совершенно незнакомым запахам. – Вроде не Башня, которую представил в последнюю секунду. И однозначно не королевский госпиталь. Куда же меня занесло? Хм... И какой странный слышится разговор. Не пойму на каком, но зато все прекрасно понимаю. Кажется, это ашбунский. И о чем они там булькают? Ашбун лепечет о том, что в скором времени сможет переехать в новое место и зажить относительно спокойно. С женой?! А что с моей Сашенькой?!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.